

К-14038
П260129

МИНИСТЕРСТВО
ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ УССР

ВЕСТНИК ХАРЬКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

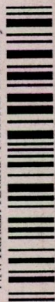
СЕРИЯ
ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

ВЫПУСК 2

1969

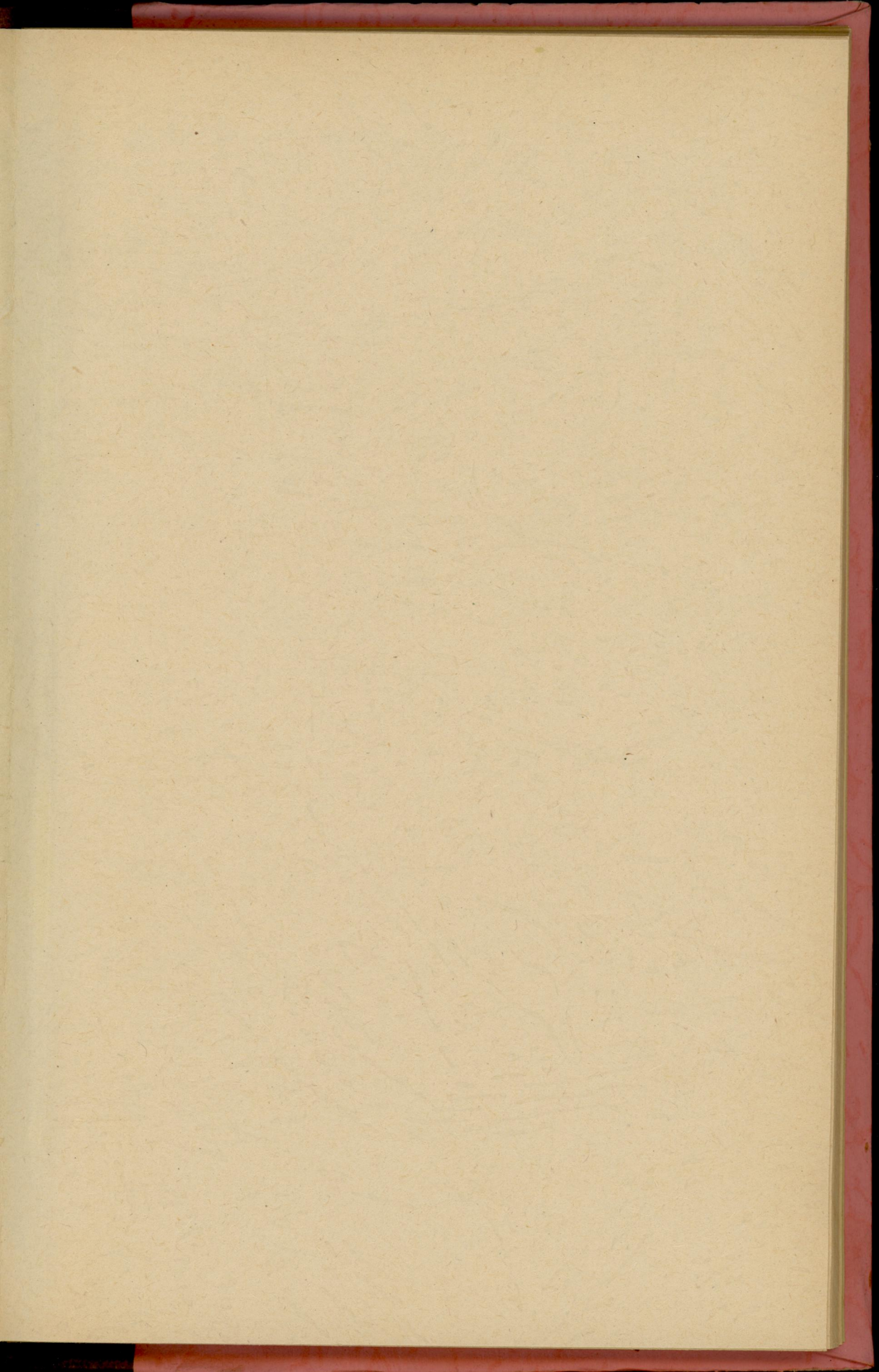
ИЗДАТЕЛЬСТВО ХАРЬКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

V.N. Kazzin Kharkiv National University

00195824

5

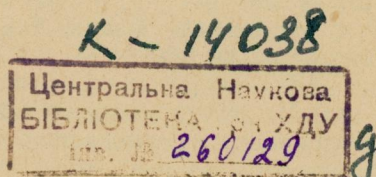

МИНИСТЕРСТВО
ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ УССР

ВЕСТНИК ХАРЬКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ
ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

ВЫПУСК 2

ИЗДАТЕЛЬСТВО ХАРЬКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
Харьков 1969

Редакционная коллегия:
Л. А. Воронина (ответственный редактор), *Г. В. Ейгер*
(секретарь), *Ю. И. Ткаченко*

Редакторы *Н. З. Алябьев*, *С. Д. Суло*
Техредактор *Л. Т. Момот*
Корректор *Р. Е. Дорф*

Сдано в набор 23/IX 1968 г. Подписано к печати 19/V 1969 г. БЦ 50157. Формат
70×108¹/₁₆. Объем: 6,75. Физ. печ. л. 9,5, усл. печ. л. 8,1 уч.-изд. л.
Заказ 8-1603. Тираж 500. Цена 81 коп.

Типоофсетная фабрика Комитета по печати при Совете Министров УССР.
Харьков, ул. Энгельса, 11.

К ПРОБЛЕМЕ АНАЛИТИЧЕСКОЙ МОРФЕМЫ

В. Б. Андропова

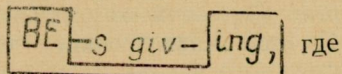
В публикуемой в данном сборнике статье «Аналитическая иерархия английского языка» выдвигается общий критерий аналитичности — раздельная слитность, который может быть применен к различным единицам структуры языка. Определенные таким образом аналитические единицы существуют не только на уровне слова (так называемые аналитические формы слова), но и на уровне морфемы, и на уровне предложения. В частности, доказывается, что аналитичность *has added* как слова основывается на аналитичности *ha...ed* как морфемы.

В настоящей статье мы подробно останавливаемся на аналитических морфемах современного английского языка.

Аналитическое слово *is giving* содержит только одну лексическую морфему *giv(e)*. Оставшаяся часть формы (*is...ing*) выражает грамматические значения. То же самое можно сказать о *be giving, am giving, was giving, were giving*. Все первые компоненты можно представить как основу *BE+* соответствующая грамматическая морфема.

- am* = {BE} + грамматическая морфема I л., ед. ч., наст. вр.;
- is* = {BE} + грамматическая морфема III л., ед. ч., наст. вр.;
- are* = {BE} + грамматическая морфема мн. ч., наст. вр.;
- was* = {BE} + грамматическая морфема ед. ч., прош. вр.;
- were* = {BE} + грамматическая морфема мн. ч., прош. вр.,

т. е. аналитическое слово *is giving* может быть записано следующим образом:

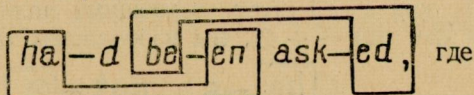
- 1) *giv* — лексическая морфема;
- 1) -s — грамматическая морфема III л., ед. ч., наст. вр.;
- 3) {BE} —...— *ing* — грамматическая морфема длительного вида.

Поэтому заключаем, что грамматическое значение длительного вида, которым характеризуется аналитическое слово *is giving*, выражается грамматической морфемой {BE} —...— *ing*. Так как эта морфема выражает одно содержание раздельной формой, считаем ее, в соответствии с критерием раздельной слитности, морфемой аналитической.

В аналитическом слове *is given* морфема {BE} —...— *en* служит для выражения значения страдательного залога. Иными словами, значение страдательного залога передается аналитической морфемой {BE} —...— *en*.

Интересно рассмотреть такие сложные образования, где сам служебный компонент аналитического слова представлен не синтетически, а аналитически.

Так, в сочетании, скажем, *had been asked* при морфемном анализе выделяются следующие морфемы:

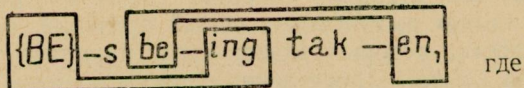

- 1) *ask* — лексическая морфема;
- 2) -d — грамматическая морфема прошедшего времени изъявительного наклонения (или сослагательного наклонения);

- 3) ha — ... — en — грамматическая морфема со значением перфекта;
 4) be — ... — ed — грамматическая морфема со значением страдательного залога.

В исследуемом аналитическом слове представлены, таким образом, две аналитические морфемы: морфема «перфектности» и морфема «страдательности».

В аналитическом слове is being taken также представлены две аналитические морфемы:

где

- 1) {BE} — ... — ing — аналитическая морфема длительного вида;
 2) be — ... — en — аналитическая морфема страдательного залога.

Здесь аналитические слова сравнительно легко поддаются членению. Мы не испытываем особых трудностей при вычленении морфем, образующих эти слова, в частности, морфем аналитических. Однако нередки случаи, когда такое членение затрудняется тем, что не все морфемы (или части морфем, если морфемы аналитические) являются «материальными единицами», по выражению Б. А. Ильиша¹.

Речь идет о так называемых «отрицательных морфемах», или морфемах «нулевых», которые, как будет показано ниже, нередко выступают в роли компонентов аналитических морфем.

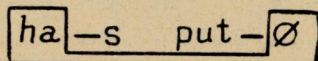
Термин «нулевая морфема» обозначает такое отсутствие положительной формы морфемы, которое при сопоставлении со случаями наличия положительных форм морфем оказывается значимым, т. е. отрицательная форма морфемы тоже указывает на какое-то определенное содержание (значение). Так, сравнивая два слова (1) take (1) и (he) takes (2), видим, что первое отличается от второго тем, что не имеет положительного форманта «s». Отсутствие форманта «s» указывает на то, что слово take не имеет значения III лица единственного числа или имеет значение «не третье лицо единственного числа».

Сравнивая же слова take и took, видим, что второе имеет положительную динамическую морфему прошедшего времени [ei > u] (чередование гласных), в то время как в первом слове морфема прошедшего времени отсутствует. Это характеризует слово take, как не имеющее значения прошедшего времени или имеющее значение «не-прошедшего времени». По отношению к слову took (= take — + [ei > u]) мы можем выразить слово take следующим образом: take — + ∅.

Таким образом, нулевые морфемы всегда соотносительны с положительными морфемами, находятся с ними в отношениях дополнительной дистрибуции. Однако эта дополнительность или соотносительность может наблюдаться в рамках различных группировок.

В вышеприведенных примерах (take — takes, take — took) эта соотносительность находится в рамках категориальной оппозиции (лица, числа или времени). Но возможна соотносительность в пределах более широкой группировки.

Аналитическое слово has put, где put при сопоставлении с такими причастиями II, как asked given, имеющими положительные форманты, можно записать как put — + ∅, мы изображаем таким образом:

¹ Б. А. Ильиш, The Structure of Modern English. М.—Л., 1965, стр. 23.

по аналогии с

ha — s ask — ed

ha — s giv — en

Следовательно, здесь нулевая морфема находится в отношениях дополнительной дистрибуции с положительными морфемами — ed, — en, — n (shown); — t (learnt) и др. в рамках одной граммемы¹, а именно, причастия II.

Еще в более широкой группировке элементов проявляется дополнительная дистрибуция нулевой морфемы инфинитива, которая чередуется с положительной морфемой (вернее, словом-морфемой) to в рамках сочетания словесных форм. Ср. want to come — must come, shall come или иначе, want + to — инф., must + \emptyset — инф., shall + \emptyset — инф.

Если обозначить нулевые форманты элемента come в предложениях They come on Sunday, He has come from Moscow, They will come tomorrow соответственно, как \emptyset_1 , \emptyset_2 и \emptyset_3 , to has come и will come можно представить, как ha — s come — \emptyset_2 , will come — \emptyset_3 . Иными словами, аналитической морфемой будущего времени в аналитическом слове will come будет will — ... — \emptyset_3 ².

Итак мы видим, что нулевой формант при определенных обстоятельствах выступает в роли элемента аналитических морфем, в данном случае аналитической морфемы будущего времени will — ... — \emptyset_3 .

Нулевой формант выступает в роли элемента аналитической морфемы перфекта ha — ... — \emptyset в тех случаях, когда в роли знаменательного компонента аналитических слов выступает причастие II нестандартных глаголов типа put, cut, let, run и др.

Приведем еще два варианта структурных типов аналитических морфем перфекта, возможных при таких же обстоятельствах (т. е., когда причастие II нестандартного глагола представляет собой знаменательный компонент аналитического слова):

1) ha — ... — { $r_1 > r_2$ }, где { $r_1 > r_2$ } условно обозначает чередование гласных, которое может быть представлено в различных комбинациях. По такому типу образуют перфект следующие глаголы: begin, behold, bespit, cling, drink, find, hold, lead, light, meet, ring, read, shrink, win и т. д. Например, перфектность аналитического слова has met — выражается аналитической морфемой ha — ... — [i: > e];

2) ha — ... — { $r_1 > r_2$ } + en. По такому типу образуют перфект следующие нестандартные глаголы: write, beget, bite, break, chide, choose, drive, forget, freeze, hide, lie, speak, tread и т. д. Например, аналитическое слово has broken характеризуется наличием аналитической морфемы «перфектности» ha ... {ei > ou} + en.

В данной статье мы рассмотрели форму аналитических морфем. Не менее интересным является и их содержание, в частности, тот факт, что в отличие от синтетических морфем, которые обычно полисемантически, аналитические морфемы выражают только одно значение. Но это уже тема дальнейшего исследования.

¹ Б. С. Хаймович, Б. И. Роговская. A Course in English Grammar, М., 1967, стр. 19.

² Ср.

слова	грамматические морфемы
ask — s	— s
ask — ed	— ed
will ask — \emptyset	will ... \emptyset

**О НЕКОТОРЫХ ТИПАХ СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКИХ
ВЗАИМООТНОШЕНИЙ КОМПОНЕНТОВ СЛОЖНЫХ
СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ И ИМЕННЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ
В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ**

А. Н. Водяха

Анализ семантических отношений между компонентами сложных слов дает возможность вскрыть смысловую емкость сложного слова, структуру его содержания, обнаруживает связь сложных слов со словосочетаниями и отражает взаимозависимость лексики и грамматики.

Мы рассмотрим так называемые определительные сложные существительные с двумя субстантивными основами, носителем общего значения которых является второй компонент — определяемое, а первый, определитель, семантически подчинен второму и уточняет или ограничивает его значение, тем самым выделяя его из круга обозначаемых основой общих понятий. Поскольку определительные отношения характерны для синтаксиса, лингвисты в этом случае говорят о «внутреннем синтаксисе», а сами отношения называют семантико-синтаксическими. Ниже приводятся характерные для английского языка типы семантико-синтаксических отношений между компонентами определительных сложных существительных в сопоставлении с аналогичными отношениями между компонентами именных словосочетаний английского и русского языков.

а) Отношение целого (определитель) и части (определяемое), например:

arrow-head	острие стрелы
candle-end	огарок
cart-wheel	колесо телеги

В данном случае степень семантического расхождения между сложным существительным и соответствующим словосочетанием незначительна, отсюда неидиоматичность данного типа сложных существительных. Среди сложных существительных русского языка нет сложных слов с данным типом взаимоотношений компонентов. Образования типа *чашелистик* нетипичны и являются, очевидно, латинскими кальками.

Отношение целого и его части в русском языке выражается именными словосочетаниями с зависимым словом — именем существительным в родительном падеже, например: *ступень лестницы, крыша дома*¹.

б) Отношение ч а с т и (определитель) и ц е л о г о (определяемое), напр.

tail-coat	фрак
motor-car	автомобиль

¹ Здесь и далее использованы соответствующие разделы «Граматики русского языка». Изд-во АН СССР, т. II, ч. I, 1954, стр. 233—282.

Первый компонент указывает на характерный признак целого. Этому типу соответствуют именные словосочетания с предлогом *with*, например: *blue spectacles with side-lights...* В русском языке эти отношения представлены в словосочетаниях с предлогом *с*, где зависимое слово — существительное стоит в творительном падеже, например: *дом с мезонином*.

в) Отношение содержания (определитель) и формы (определяемое) с оттенком совокупности, например:

haystack	стог сена
snow-flake	снежинка.

В русском языке сложные существительные с этими взаимоотношениями встречаются лишь как специальные термины, например: *звукоряд*. Они широко распространены в именных словосочетаниях с зависимым словом в родительном падеже, например: *стог сена, гряда камней, толпа людей*. В английском языке эти взаимоотношения представлены в словосочетаниях с предлогом *of*, например: *a stream of people*.

г) Отношение формы (определитель) и содержания (определяемое), например:

bar-gold	золото в слитках
bale-goods	товары в тюках
band-iron	полосовое железо.

В русском словосложении данных взаимоотношений компонентов нет. Они наблюдаются в именных словосочетаниях с предлогом *в*, напр., *торф в брикетах, сено в стогах*.

В английском языке возможны словосочетания с предлогом *in* типа: *gold in bar(s), goods in bale(s)*.

д) Отношения содержимого (определитель) и содержащего (определяемое), например:

ink-bag	чернильный мешок каракатицы
mushplate	тарелка с кашей.

В русском языке сложные слова с этим типом взаимоотношений компонентов отсутствуют. Эти взаимоотношения наблюдаются в словосочетаниях типа *мешок с зерном*. В словах типа *зернохранилище* второй компонент соотносителен с глаголом и здесь можно говорить об «объектных» отношениях.

е) Отношения назначения (определитель) и назначаемого (определяемое), где первый компонент указывает на время, например:

nightcap	ночной колпак
morning-coat	визитка.

Второй компонент может указывать время, предназначенное для какого-либо действия, выраженного первым компонентом:

meal-time	время принятия пищи
play-day	праздник, нерабочий день.

Эти отношения имеются в именных словосочетаниях с предлогом *for*, например: *time for coffee*.

В русском языке — в словосочетаниях с зависимым словом — существительным в родительном падеже *час отдыха, минута прощания*.

Второй компонент может указывать место, предназначенное для действия, выраженного первым, например:

play-ground	спортплощадка
smoke-house	коптильня.

В русском языке аналогичных сложных существительных нет. Эти отношения выражаются именными словосочетаниями с предлогом для, например: *комната для курения, стол для черчения*. Второй компонент может обозначать орудие, инструмент, предназначенный для употребления по отношению к объекту, выраженному первым компонентом:

cork-screw	штопор
hair-brush	головная щетка

Более сложные отношения между компонентами наблюдаются в сложениях типа *crash — helmet* (шлем летчика), где в большей степени «... содержится элемент подразумеваемости...»¹, чем и объясняется отсутствие соответствующих взаимоотношений среди двучленных именных словосочетаний.

Назначение имеет нередко отгенок меры, объема, например: *pint-pot* (кружка объемом в одну пинту), что в русском языке выражается именными словосочетаниями с предлогом *на*: *бочка на пять ведер*. В английском языке аналогичных предложных словосочетаний не обнаружено.

Второй компонент может выражать предмет, выступающий как средство борьбы, предохранения от того, что выражено первым компонентом или связанного с ним действия, например:

sunshade	зонтик, тент
bomb-shelter	бомбоубежище
cough-drop	средство от кашля

В русском языке данные отношения наблюдаются в словосочетаниях с зависимым словом — существительным в родительном падеже с предлогами *от, против*, например: *навес от солнца, порошки от кашля*, а также в сложных существительных типа *бомбоубежище, газоубежище*, где, однако, второй компонент соотносится с глаголом.

В английском языке аналогичные отношения наблюдаются в сочетаниях с предлогом *against, from*:

... the law against vivisection; protection from the dust.

ж) Отношения вещества (определитель) и продукта (определяемое):

oatcake	овсяная лепешка
beetsugar	свекловичный сахар

Эти отношения наблюдаются в словосочетаниях с предлогом *of*, напр.: *a rod of iron, a gown of green silk*.

В русском языке они встречаются в именных сочетаниях с зависимым словом — существительным в родительном падеже без предлога: *кафтан алого сукна* или чаще с предлогом *из*, напр.: *носки из шерсти, подсвечник из бронзы*.

з) отношения сравнения, подобия:

По форме, например:

bell-flower	колокольчик (цветок)
needle-fish	игла-рыба

По цвету, путем сравнения с предметом, для которого характерен данный цвет, например:

copper-butterfly аргус (бабочка).

По количеству, например:

feather-weight	боксер полулёгкого веса
finger-length	длина в палец
blood-heat	нормальная температура тела

¹ В. А. Богородицкий. Общий курс русской грамматики, изд. 5. М. — Л., 1935, стр. 95.

Более сложными являются взаимоотношения компонентов, основанные на сходстве в словах *horselaugh* (грубый смех), *pineapple* (ананас), *carpenter-ant* (черный муравей-древоточец).

В именных словосочетаниях этот тип отношений, ввиду указанной сложности, отсутствует.

В русском языке аналогичные взаимоотношения наблюдаются в словосочетаниях с зависимым словом-именем существительным в творительном падеже, например: *волосы ершом*, *галстук бабочкой*, в винительном падеже с предлогом *под* и *с*, например: *воротник под котик*, *мальчик с пальчик*.

и) Отношения, выражающие качество. Первый компонент (основа существительного с отвлеченным значением) уточняет второй, выражает его качественную характеристику, например: *beauty-spot* мушка (на лице). В словосочетаниях с данным типом отношений компонентов зависимое слово также существительное с отвлеченным значением, например: *a man of health*, *a hymn of praise*.

В русском языке эти отношения встречаются в именных словосочетаниях с зависимым словом — отвлеченным именем существительным в родительном падеже, например: *человек дела*, *слезы восторга*.

к) Отношения принадлежности обнаруживаются у ряда сложных существительных, по форме соответствующих словосочетаниям с существительным в притяжательном падеже, например:

bird's-nest птичье гнездо
lady's-maid горничная.

В русском языке этот тип отношений находит свое выражение в именных словосочетаниях с зависимым словом-существительным в родительном падеже, например: *дом отца*, *ребенок сестры*.

Английские именные сочетания с предлогом «of» например: *the toy of the child*, и с существительным в притяжательном падеже, например *the child's toy*, также имеют эти отношения.

л) Отношения причины (определитель) и явления (определяемое), например:

sea-sickness морская болезнь
fever-heat жар

В русском языке этот тип отношений представлен в словосочетаниях с зависимым словом — существительным в родительном падеже с предлогом *от*, например: *синяк от ушиба*, *волдырь от ожога*.

м) Отношения, где определитель уточняет определяемое, указывая на его внешний признак, например:

case-knife нож в футляре,
case-bottle бутылка в футляре.

Этот тип сложных существительных немногочисленный, он гораздо шире представлен в словосочетаниях с предлогом *in*, например, *a woman in a turban*, *a bundle in a tablecloth*. В русском языке аналогичные взаимоотношения встречаются в словосочетаниях с зависимым словом — существительным в предложном падеже с предлогом *в*, напр. *книга в переплете*, *шашки в ножнах*.

Перечисленные типы отношений, естественно, не исчерпывают всего богатства семантической структуры определительных сложных существительных, но они показательны с нескольких точек зрения:

1) они демонстрируют, какие поистине неисчерпаемые возможности заложены в английском именовом словосложении;

2) свидетельствуют о том, что словосложение — самый экономный способ выражения огромного круга отношений;

3) объясняют, почему именно словосложение получило такое широкое развитие в английском языке и

4) показывают живую связь между словосложением и словосочетанием, между синтаксисом и лексикой.

ЦВЕТНОЙ ЭПИТЕТ В ЛИРИКЕ ГЮГО 20—30 ГОДОВ

И. Я. Волисон

Среди того нового, чем обогатил французскую поэзию В. Гюго реформатор французского стихосложения, эпитету принадлежит немалое место. И хотя М. Робертсон, автор специальной работы, посвященной этой проблеме, несколько преувеличивает, утверждая, что «новаторство Гюго проявилось больше всего в эпитетах»¹, поэт сделал много принципиально важного и нового в этой области и, в частности, в применении цветного эпитета.

Вопрос только на первый взгляд может показаться незначительным. Как известно, в доромантической французской поэзии эпитет представлял собой «бесполезное украшение»². Это относится и к тем (не таким уже редким) случаям, когда применялся цветной эпитет

Le Dieu transforme en vagues d'or
Le nuage flottants dans l'air humide
...Jette un ceseau de pourpre au sommets des montagnes
Et sur l'émail des près étincelle en rubis. Rocher. Mois, I
Email des gasons frais, des ruisseaux argentés
Et le jeu des rayons dans perles liquides. Saint-Lambert.
Saisons, I.

Такое отношение к эпитету (и другим изобразительным средствам) теоретически обосновывалось тем, что перед поэзией и не ставилась задача отражения жизни («Задача поэта — создавать фикции, не выдавая их за правду» Мармонтель). Превращение эпитета в средство раскрытия содержания, отражения жизни связано с принципиально иным взглядом на поэзию, ее задачи и возможности. В предисловии к «Кромвелю» Гюго говорит о необходимости «создать стих свободный, непосредственный, искренний... способный охватить всю гамму поэзии... от самых возвышенных мыслей до самых вульгарных»³. Другими словами, введение цветного эпитета — составная часть художественной реформы, направленной на приближение поэзии к действительности. Причем, речь идет не только о широком использовании цвета, но и таком его применении, которое сближало в этом смысле поэзию Гюго с творчеством реалистов. Следовательно, характеристика цветного эпитета в лирике Гюго может способствовать решению вопроса о соотношении между художественной системой прогрессивного романтизма и реализма — вопроса и в настоящее время дискуссионного⁴.

Существенно, что принципиальные изменения в этой области связаны с творчеством Гюго, а не Ламартина, Виньи, Сент-Бева, Готье, хотя

¹ M. Robertson. L'Épithète dans les oeuvres lyriques de V. Hugo publiées avant l'exil. P., 1927, p. 518.

² Ibid, p. 57.

³ В. Гюго. Собр. соч. в 15-ти томах, т. XIV, стр. 115.

⁴ См. А. Дмитриев. Еще раз о романтизме. «Вопросы литературы», 1966, № 12.

последние очень широко использовали цвет, но перегружали им свои произведения, превращая его в самоцель¹. Это следует подчеркнуть потому, что за Гюго укрепилась репутация поэта «черно-белого» и некоторые французские исследователи (Л. Мабийо, Л. Мейналь) отрицали способность Гюго изображать цветное богатство мира.

Если не считать отдельных находок в предыдущем творчестве Гюго, цветной эпитет как принципиально новое изобразительное средство впервые используется поэтом в сборнике «Восточные стихотворения» (1829), т. е. после его разрыва с классицизмом, когда он уже опубликовал предисловие к «Кромвелю», манифест нового романтического искусства.

Известно, что в названном сборнике, вышедшем в период борьбы против классицизма, немало преувеличений, полемических заострений, стремления эпатировать читателя. Характерна для него также некоторая искусственность в употреблении цвета, в частности, погоня за контрастами

Un lait blanc sous leurs doigts noirs. Aux dents blanches, au front noir. Un fruit vert sur un arbre d'or.

Но это не мешает верно оценить то новаторское, что было в книге. Во-первых, ее колористическое богатство (noir, rouge, azur, argent, bleu vert, d'ébene etc.). Во-вторых, поиски не «благородного», а реального цвета (нет «золотого» вместо «желтого», «серебряного» вместо «белого» и т. п.). В-третьих, стремление к пластической выразительности, использование цвета как важного компонента, который вместе с другими позволяет не рассказывать о мире, а «рисовать» его². Вот почему надо подчеркнуть, что в сборнике наряду с преувеличениями, иногда автономным цветом были и четкие «реалистические» пейзажные зарисовки

J'aime une lune ardente et rouge comme l'or
Se levant dans la brume épaisse, ou bien encore
Blanche au bord d'un nuage sombre...
Brouillard à ta fenêtre et les longs flots de fumée
Qui baignent en fuyant l'angle noirsi des toits.

В тридцатые годы в связи с общей идейной и эстетической эволюцией поэта усиливается конкретно-образный строй его лирики. Одновременно в этот период складывается у него и символический строй, сложно взаимодействующий с конкретно-образным³.

Символический строй обусловил и ряд особенностей в идейно-художественной системе Гюго, в том числе и в применении цветного эпитета. У него появляется условный цветной эпитет (белый цвет — символ моральной чистоты, черный — отрицательных качеств, голубой — невинности и т. п.)⁴

Vierges au doux profil, soeurs au regard d'azur,
Oh! quand ce doux passé, quand cet age sans tâche,
Avec sa robe blanche...

¹ La lampe brûlait jaune et jaunes aussi les cierges. Et la lueur glissant aux fronts voilés des vierges jaunissait leur blancheur... Et le prêtre... Courbait un front jaune... Saint-Beuve. Rayons jaunes.

² Тезис Р. Эсколье о том, что Гюго способствовал сближению литературы с живописью, кажется вполне справедливым.

³ Здесь нет возможности остановиться на данном вопросе. Остается только напомнить, что оба эти строя не противопоставлены один другому и что символы у прогрессивных романтиков «имеют глубокое общественно-историческое значение. Они отражают реальные жизненные процессы...». И. Неупокоева. Революционный романтизм Шелли. Гослитиздат, 1959, стр. 197.

⁴ Дочь шута Трибуле («Король забавляется») зовут Бланш. Положительные герои драм Гюго одеты в белое, отрицательные — в черное и т. п.

В отличие от конкретных зарисовок, когда цвет неба соответствует реальному в данный момент цвету, оно у него всегда голубое, если идет речь о небе вообще. Он, не колеблясь, напишет *Etoile obéissante éclaire le ciel bleu* хотя, когда светит звезда, небо не кажется голубым. Обусловленность эпитетов Гюго идейным содержанием его произведений подтверждается все более частым употреблением *ombre, sombre* при помощи которых он пытается передать ощущение тайны, возникающие в связи с его сложными философскими поисками.

Однако наличие у Гюго условного цвета не должно закрывать глаза на вторую тенденцию — стремление точно воспроизвести колористическое богатство материального мира. Как справедливо отмечают М. Робертсон и А. Жуссен, очень внимательно обследовавшие поэзию Гюго в этом плане, в 30-е годы у него особенно активно проявляется стремление «точно изображать реальный мир»¹, внимательно наблюдать за реальностью², класть краски с таким расчетом, чтобы «воспроизводить реальное, не деформируя его»³.

Собственно и сам поэт в это время говорит об отказе от пренебрежительного отношения к фактам, наблюдению. В предисловии к «Лучам и теням» (1840) он писал, что «все его детство, детство поэта, было долгим временем мечтаний, соединенных с пристальным изучением фактов жизни, точность и поэтичность вполне совместимы»⁴.

Если сравнить цветные эпитеты сборников Гюго 30-х годов с эпитетами «Восточных стихотворений», то можно увидеть много нового. Во-первых, в смысле количественном их стало меньше. Последнее объясняется как отказом от полемических преувеличений, эпатирования, так и изменением тематики, переходом от изображения яркого Востока к характеристике тогдашней Франции и, естественно, установками Гюго, его поисками точности.

В отличие от Сент-Бева и Готье Гюго не перегружает свои стихотворения цветом и в этом, как справедливо отмечает А. Жуссен, заключается отличие рисунка Гюго от натуралистического изображения. Он придает «воспроизводимому впечатление увиденного, не стараясь усилить рисунок и подчеркнуть все детали, как делают это натуралисты»⁵.

Теперь в многочисленных произведениях пейзажной лирики Гюго краски кладутся сравнительно скупо и точно. Четкие зарисовки, которые в «Восточных стихотворениях» были исключением, теперь становятся нормой:

Des carrés de blé d'or; des étangs au flot clair
 Dans l'ombre, un mur de craie et des toits noirs de suie
 Les ocres des ravins, déchirés par la pluie;
 Et l'aqueduc au loin qui semble un pont de l'air
 Un coin de ciel est brun, l'autre lutte avec l'ombre
 Et déjà, succédant au couchant rouge et sombre,
 Le crépuscule gris meurt sur les coteaux noirs.

Аналогичное использование цвета характерно также для подробных

¹ M. Robertson. L'Épithète... op. cit., p. 307.

² Ibid, p. 308.

³ A. Joussain. Le pittoresque dans le lyrisme et dans l'épopée. P., 1920, p. 76.

⁴ В. Гюго. Собр. соч. в 15-ти томах, т. XIV, стр. 176.

⁵ A. Joussain. Le pittoresque... op. cit. p. 76.

описаний портрета, одежды, предметов быта, все более частых в лирике Гюго:

Son uniforme vert à ganse purpurine,
 Et l'ordre et la Toisonne faisaient sur sa poitrine
 Près du large cordon moiré de bleu changeant
 Deux foyers lumineux, l'un d'or, l'autre d'argent...
 Des vases du Japon, des laques, des émaux,
 Et les chandeliers d'or aux immenses rameaux
 Un salon rouge orné de glaces de Venise.

И, наконец, новое — в использовании всех возможностей эпитета для раскрытия идейного и эмоционального содержания произведения. В превосходном стихотворении «Грусть Олимпио» (183...) большая гуманистическая идея раскрывается не абстрактно, а через картины, поражающие точностью рисунка, цвета, их соответствием настроению произведения. Собственно, в большинстве стихотворений Гюго тридцатых годов цвет утрачивает автономность, еще частую в «Восточных стихотворениях», и становится средством усиления эмоционального строя произведения, характеристики героя и окружающего его мира.

Естественно, что все сказанное выше не снимает представления о Гюго, как о поэте контрастов, часто прибегавшего к условному цвету. Задача статьи в том, чтобы подчеркнуть колористическое богатство его поэзии, которая не ограничивается символическим цветом, и тем самым подтвердить тезис о том, что многое (в данном случае использование цвета) у прогрессивных романтиков и предшествовало реалистической поэтике, и в ряде случаев совпадало с ней.

К СТИЛИСТИКЕ ПОРТРЕТА В ТВОРЧЕСТВЕ Л. ФЕЙХТВАНГЕРА («Портрет с лейтмотивом»)

А. С. Вольф

Место литературного портрета в узком смысле этого слова, т. е. описание внешности литературных персонажей (внешней характеристики) в общей структуре образа — характера, его удельный вес и поэтика варьировали в ходе развития историко-литературного процесса. Этапы, количественные и качественные аспекты эволюции литературного портрета являются предметом изучения исторической поэтики¹.

В творческой манере Л. Фейхтвангера — великого мастера реалистического искусства, художника с исключительно зорким, наблюдательным и восприимчивым глазом живописца (лучшее доказательство этому — его роман «Гойя»)² портрет занимает очень важное место, как существенный компонент характеристики персонажа, органически сочетающийся с психологической характеристикой, образующий с ней сложное единство. Фейхтвангер последовательно соблюдает единство раз созданного им образа, не допускает его нарушений³.

Следует отметить, что применительно к Фейхтвангеру, термин «портрет» придется трактовать расширительно, подразумевая под ним внешний облик в самом широком смысле, охватывающий не только черты лица, цвет и форму глаз и волос, особенности телосложения, одежды и другие элементы визуального образа, но также характерные для данного лица телодвижения, жестикуляцию и мимику, голос, манеру говорить, кушать, спать и т. п., словом, все то, что в человеке доступно чувственному восприятию и в своей совокупности составляет внешнюю оболочку, наружное проявление образа-характера. Так понятый портрет назовем динамичным в отличие от традиционного статичного портрета, дающего внешний образ человека в абстракции от движения и действия или некую сумму одномоментных «фотографических снимков», сделанных в различных временных разрезах сюжета, где живая индивидуальность героя как бы на момент застывает в статике. Для иллюстрации нашей мысли приведем характерный пример из раннего творчества Фейхтвангера («Безобразная герцогиня», 1923):

«Vor Margarete stand ein kleiner, fetter, zappeliger Mensch, war sehr unterwürfig, sprach gaumig, glucksend. Nannte sich Mendel Hirsch...»

¹ См. А. И. Белецкий. В мастерской художника слова, гл. IV. Изображение внешности лиц. Избранные труды по теории литературы, «Просвещение», М., 1964, стр. 149—193.

² Ср. в этой связи Gertrud Oheim: Feuchtwangers Sprache in seinem «Goya» (Der Greifen—Almanach auf das Jahr 1958, Greifenverlag zu Rudolstadt, 1957).

³ См. его рассуждения по поводу небрежности и противоречий в характеристике персонажей в книге Das Haus der Desdemona, Greifenverlag zu Rudolstadt, 1961, S. 183.

Die Herzogin hatte niemals einen lebendigen Juden aus der Nähe gesehen. Aufmerksam, leicht angewidert, beschaute sie den **dickken Mann**, der in **braunem Rock** und **spitzem Hut** vor ihr **herumagierte**, **rasch sprudelnd**, **gurgelnd**, **possierlich zappelnd**. . . Sie schaute auf den **kleinen Mann**, der sich vor ihr **abarbeitete**; . . . Er **erzählte** . . . **hastig**, mit vielen saftigen Einzelzügen, **gestikulierend**, **seine bunten, gurgelnden Worte überkugelten sich**, er **lächelte entschuldigend**, **anklagend**, **resignierend**, . . . , **strähnte nervös seinen mißfarbenen Bart**, **wiegte den Kopf**¹

А вот пример такого же «динамичного» портрета из позднего творчества («Испанская баллада», 1955):

«Zärtlich, mit leiser Sorge, beschaute er sie, wie sie neben ihm herritt. Sie reiste, wie das üblich war, in Männerkleidung. Jünglinghaft saß sie im Sattel, etwas schlaksig, eckig, kühn und kindlich. Kaum hielt die Kappe das dicke, schwarze Haar. Mit den großen, blaugrauen Augen, aufmerksam, musterte sie die Menschen und Häuser der Stadt. . . .» (Здесь и далее подчеркнuto нами. — А. В.)².

Как видно из приведенных примеров, «динамичный» характер портретов определяет и их стилистическое оформление: наряду с прилагательными и наречиями, по своей грамматической (категориальной) семантике призванными выражать признаки (предметов, действий и др.), значительное место занимают глаголы (sprach, herumagierte, sich abarbeitete, erzählte, überkugelten sich, lächelte, strähnte, wiegte; herritt, reiste, saß, musterte). Весьма типично также значительное участие в первом портрете причастий действительного залога (Partizipien I), в чьем грамматическом значении и заложен признак, обнаруживающийся в действии, в процессе и тем самым приобретающий динамичный характер (glucksend, sprudelnd, gurgelnd, zappelnd, gestikulierend, entschuldigend, anklagend, resignierend). Наконец, динамичность портрета подчеркивается расположением прилагательных или причастий в обособленной постпозиции, в синтаксической функции предикативного определения, сущность которого заключается в выражении признака предмета, данного в гесной (временной или причинно-следственной) связи с действием³ (ср. во втором примере «jünglinghaft saß sie im Sattel, etwas schlaksig, eckig. . .»)⁴.

Было бы уместно здесь говорить о драматическом характере многих портретов у Фейхтвангера, имея в виду подмеченную исследователями тенденцию к драматическому повествованию, которая у молодого романиста нашла выражение в поисках нового жанра, названного им «драматическим романом», и определенным образом влияла на его повествовательную технику и в дальнейшем⁵.

Из вышесказанного, однако, неправомерно делать вывод о том, что «динамичный» (или «драматический») портрет является исключительной или хотя бы преобладающей формой портрета у Фейхтвангера. Напротив, можно в любом его романе найти сколько угодно «статичных» портретов с явным преобладанием прилагательных — эпитетов, ср.:

¹ Die h. Herzogin, S. 138—140.

² Die Jüdin, S. 36.

³ Ср. В. Г. Адмони. Введение в синтаксис современного немецкого языка. М., 1955, стр. 358 — 359.

⁴ Другие примеры «динамичных» портретов: Die Fühse, S. 51; Goya, S. 33; ср. также Klaus Washausen. Die künstlerische und politische Entwicklung Goyas in Feuchtwangers Roman, Greifenverlag zu Rudolstadt, 1957, S. 92 — 93.

⁵ Werner Jahn. Die Geschichtsauffassung Lion Feuchtwangers in seiner Josephus-Trilogie, Greifenverlag zu Rudolstadt, 1954, стр. 88; интересно отметить, что «драматический роман» — некий аналог и одновременно антипод брехтовского «эпического театра».

«Er sah ein großes Mädchen allein auf einer Bank sitzen. Sie hatte lebendige, langbewimperte Augen, hohe, kühne Brauen, ein volles, starkes Kinn, Brust und Schultern kamen matt glänzend, blaubräunlich aus einem kostbaren, malvenfarbigen Kleid von höchster Schlichtheit...»¹.

Вообще, что касается поэтической фактуры портретов, то Фейхтвангер обнаруживает здесь значительное разнообразие. Почти все формы, названные в обзоре А. И. Белецкого и отнесенные к периоду второй пол. XIX — XX вв.², засвидетельствованы у Фейхтвангера.

Если только что приведенный портрет придется отнести к разряду «портретов паспортных примет»³, то немало найдется у писателя и «портретов с меняющимся выражением»⁴, как нельзя лучше соответствующих упомянутой выше тенденции к драматическому повествованию. Но, пожалуй, наиболее ощутимо тяготение Фейхтвангера к «портрету с лейтмотивом», на котором мы остановимся подробнее в данной статье.

«Портрет с лейтмотивом» — это форма портрета, сущность которой, по словам А. И. Белецкого,⁵ сводится к тому, что писатель во внешности персонажа «предпочитает схватить одну-две наиболее показательные подробности и на них сосредоточить свое исключительное внимание. Получается портрет с преобладающей чертой, портрет с лейтмотивом, если можно так выразиться...»⁶.

Стилистическое своеобразие «портрета с лейтмотивом» заключается, таким образом, в применении специфического «архитектонического» повтора, получившего в специальной литературе название «языкового лейтмотива» («sprachliches Leitmotiv»)⁷. Автор выделяет какую-нибудь деталь портрета (в том расширительном толковании, о котором речь была выше), которая в его понимании является значимой для общей характеристики персонажа (включая сюда и психологическую характеристику), поскольку в ней в какой-то мере раскрывается сущность образа-характера, в символическом ракурсе выведены на поверхность глубинные слои психологии персонажа. И вот, эту «примелькавшуюся» ему деталь (черту лица, характерный жест, тембр голоса и т. п.) автор назойливо повторяет, напоминает читателю каждый раз, когда данный персонаж появляется в перипетиях сюжета, подчеркивая этим устойчивое тождество образа. Повтор не обязательно будет дословным. Поскольку Фейхтвангер любит скопления эпитетов, существительных, глаголов, то повторы воспроизводят эти скопления, свободно варьируя количество и последовательность членов, порой опускаая один член или подменяя его другим, синонимичным, располагая их по-другому, придавая им другую синтаксическую функцию (напр., превращая согласованные определения в обособленные предикативные определения или наоборот) и т. п. Существенное, однако, т. е. то, на чем автор хочет фиксировать внимание читателя, при всех этих вариациях остается неизменным. Так, например, автор выводит на страницах «Безобразной герцогини» трех флорентийских братьев-финансистов, с виду серых, незаметных, мелькающих как тени, бесконечно услужливых и покорных, но скрывающих под этой

¹ Die Füchse, S. 68; ср. там же, стр. 14—15, 133, 243.

² Там же, стр. 160—167.

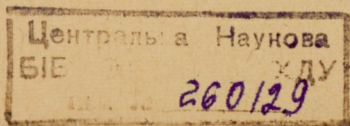
³ Там же, стр. 161.

⁴ Там же, стр. 162, примеры: портрет Франклина в Die Füchse, SS. 90, 98; там же, портрет Водрейля, стр. 154—155.

⁵ Точнее, М. О. Габель, см. цит. соч., стр. 149.

⁶ А. И. Белецкий. Цит. соч., стр. 164.

⁷ Ср. Э. Г. Ризель. О так называемой архитектурной функции языково-стилистических средств (Ученые записки I МГПИИЯ, 1956, т. X), а также E. Riesel Stilistik der deutschen Sprache, Staatsverlag «Hochschule», M., 1963, S. 428—429. (Кстати, вернее было бы говорить о «речевом лейтмотиве»).

личиною хищническую природу. Вот их первое появление, их первый коллективный портрет:

«Da stellten seine Herren vor ihn (vor den König Heinrich. — A. W.) drei **schmächtige, schattenhafte** Männer. Sie waren sehr still, sehr demütig, **sehr unscheinbar**. Hatten **rasche Augen**, die aber **sehr ergeben blicken konnten**. **Schauten einander sehr ähnlich**. Der König erinnerte sich, sie gesehen zu haben, wußte aber nicht mehr, wo er sie hintun sollte. Das war natürlich. Sie waren ja so klein, so gering. **Sie verneigten sich viele Male, sprachen mit leiser Stimme**. Es waren Messer Artese aus Florenz... und seine beiden Brüder»...¹.

Флорентийцы ссужают короля Генриха деньгами, выговаривая себе взамен за эту помощь аренду прибыльных соляных копей на два года. И вот они уходят:

«Die Florentiner **verneigten sich viele Male... Glitten fort, schattenhaft, grau, unscheinbar, einer dem anderen sehr ähnlich**»².

Следующие повторы:

«Und plötzlich war auch Messer Artese aus Florenz da, der Bankier, **grau, unscheinbar, schattenhaft**, mit zwei Brüdern, **die ihm sehr ähnlich sahen...**»³.

«Manchmal auch, **schattenhaft, unscheinbar**, kommt mit seinen Brüdern Messer Artese aus Florenz, steht ferne, bescheiden **neigt sich viele Male**»⁴.

«Und nach langen Jahren noch, in Paris, in Prag, in Trier, wo er gerade residierte, erschien, **schattenhaft, unscheinbar, oftmals sich neigend**. Messer Artese, der Florentiner, mit seinen beiden Brüdern...»⁵.

«... und durch die Räume König Johans glitt **schattenhaft, unscheinbar und mit vielen Verneigungen** Messer Artese aus Florenz»⁶.

Это пример классический, но не обособленный. В той же «Безобразной герцогине» обращает на себя внимание портрет баварца Фрауенбергера, циничного хищника, портрет с лейтмотивом скорее моторно-акустического свойства, выражаемым скоплением глаголов:

«Der Frauenberger **streckte sich, knackte die Gelenke, drehte sich auf die Seite, gähnte, schlief mit mächtigem Geräusch...** (стр. 269; другие варианты, стр. 233, 310).

И опять меняется количество и последовательность перечисляемых глаголов, но читателю ясно, что дело не в действиях, существенных для хода сюжета, а скорее в устойчивых повадках существа вульгарно и хищно чувственного, в примитивных животных «радостях» усматривающего смысл бытия.

Портреты с лейтмотивом (или лейтмотивами) можно наблюдать во многих романах Фейхтвангера: «Мудрость чудака» — портреты Руссо, Терезы, мадам Левассёр, Фернана, Жильберты, Никола⁷; «Лисы в винограднике» — портреты Поля Тевено, Шарля Ленормана⁸; «Симона»⁹.

¹ Die h. Herzogin, S. 30.

² Там же, S. 31.

³ Там же, стр. 37.

⁴ Там же, стр. 39.

⁵ Там же, стр. 50.

⁶ Там же, стр. 69; см. там же, стр. 208.

⁷ Напр., портрет Терезы: Narrenweisheit, SS. 35—36, 38, 69, 77, 95, 96, 120; портрет мадам Левассёр — там же, стр. 36, 42, 69, 105, 167, 173, 267; Никола — там же, стр. 38, 172, 174, 179, 218, 284, 365.

⁸ Поль — Die Fuchse, SS. 22, 26, 72, 98; Ленорман — там же, стр. 24, 26, 28, 41; 54; 27, 41, 54, 82.

⁹ См. в этой связи Vera Grübler. Satzbau und Kompositionselemente im Spätwerk Lion Feuchtwangers (Der Greifenalmanach auf das Jahr 1959, Greifenverlag zu Rudolstadt, 1958, S. 248).

Тяготение Фейхтвангера к портретным лейтмотивам, как вообще к лейтмотивам в характеристике, своей повторяемостью подчеркивающим единство и тождественность человеческой особи независимо от обусловленной временем изменчивости, нельзя объяснить просто особенностями писательского темперамента автора, его пристрастием к средствам логической и эмоциональной эмфазы, хотя такое пристрастие несомненно налицо.

На наш взгляд, корни этого явления уходят глубоко в мировоззрение Фейхтвангера, в его философию человека. К этому вопросу мы вернемся в другом месте и в другой связи.

* *
*

ЦИТИРУЕМЫЕ РОМАНЫ ФЕЙХТВАНГЕРА И РАСШИФРОВКА СОКРАЩЕНИЙ:

1. Die h. Herzogin — Die häßliche Herzogin Margarete Maultasch, Aufbau-Verlag, Berlin, 1957.
 2. Die Füchse — Die Füchse im Weinberg, Aufbau-Verlag, Berlin, 1956.
 3. Goya — Goya oder Der arge Weg der Erkenntnis, Greifenverlag zu Rudolstadt, 1955.
 4. Narrenweisheit — Narrenweisheit oder Tod und Verklärung des Jean-Jacques Rousseau. Verlag für fremdsprachige Literatur, M. 1957.
 5. Die Jüdin — Die Jüdin von Toledo, Aufbau-Verlag, Berlin, 1956.
-

О СИНОНИМИЧЕСКИХ СВЯЗЯХ СЛОВ И ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Л. А. Воронина

Известно, что филологическая наука интересуется проблемой синонимов на протяжении многих столетий. Тем не менее в этой области существует множество «белых пятен», и, как справедливо отмечают исследователи¹, филологический опыт прошлого не нашел более совершенной замены, хотя у некоторых авторов вопросы лексической синонимии отличаются оригинальностью решения. Так, В. А. Звегинцев приходит к выводу, что «синонимии, как она традиционно истолковывается, в языке вообще нет. Это одна из функций, рудиментарно существующих в науке о языке. Есть располагающиеся на синхронической плоскости и поэтому никак не соотносимые с предметно-понятийным признаком тождественные для некоторых слов словосочетания, в которых слова выступают как члены дистрибуционной модели, а не изолированно»².

Такой подход к проблеме синонимов вряд ли можно считать оправданным, так как он, по существу, отрицает системность лексики.

Мы исходим из того, что словарный состав языка представляет собой его лексическую систему, элементы которой связаны и взаимодействуют между собою, образуя разнообразные (в зависимости от характера связей) группы слов.

Одним из видов слов, семантически связанных друг с другом, являются синонимы, объединяемые тождеством отдельных значений и взаимозаменяемые в некоторых контекстах. «Белым пятном» в теории синонимии является вопрос о синонимических соответствиях фразеологических единиц словам.

Еще Ш. Балли³ указывал на необходимость рассматривать фразеологические единицы в их синонимическом соотношении со словами. И тем не менее в большинстве синонимических словарей английского языка фразеологические единицы или полностью отсутствуют, или же приводятся непоследовательно. Так, Р. Соул⁴ включает в словарь английских синонимов словосочетания, соответствующие по значению словам, но фразеологические единицы приводятся там довольно стихийно: в некоторых синонимических рядах они даются, в других — нет. Многие синонимические словари английского языка, в том числе словари В. Коллинза⁵ и Н. Вебстера⁶, не включают фразеологические единицы в сино-

¹ Б. В. Горнунг. О природе синонимии в языке и теоретических предпосылках составления синонимических словарей. «Вопросы языкознания», 1965, № 5.

² В. А. Звегинцев. Вопросы теории и истории языка. Сборник в честь проф. Б. А. Ларина, 1963.

³ Ш. Балли. Французская стилистика. Перевод с франц., М., 1961.

⁴ R. Soule. A Dictionary of English Synonyms and Synonymous Expressions. New York, 1946.

⁵ V. H. Collins. The Choice of Words. A Book of Synonyms with Expressions.

⁶ H. Webster's Dictionary of Synonyms.

нимические ряды. Отсутствуют фразеологические единицы и в словарях синонимов, составленных отечественными лексикографами¹.

Правомерность постановки вопроса о синонимических связях слов и фразеологических единиц не вызывает сомнений. Большинство лингвистов склонны считать, что фразеологическая единица (ФЕ), представляющая по форме словосочетание, является эквивалентом слова по содержанию. Эта эквивалентность имеет не абсолютный, а относительный характер, так как ФЕ отличается от слова не только раздельнооформленностью, но и своеобразием парадигматических характеристик. У фразеологических единиц, в частности, отсутствуют парадигмы, их компоненты характеризуются морфологической «недостаточностью»²: у них может отсутствовать целый ряд оппозиций, присущих этим компонентам в свободном употреблении.

Однако целый ряд признаков сближает ФЕ со словом. К числу этих признаков относится стабильность структуры, воспроизводимость в готовом виде, семантическая спаянность компонентов, способность выступать в качестве единицы номинации, деривационная функция — ФЕ может служить словообразовательной базой. Немаловажное значение имеет способность фразеологических единиц вступать в синонимические отношения со словами. Совокупность общих со словом черт дает основание рассматривать ФЕ в качестве эквивалента слова и включать ее в синонимические ряды слов.

В данной статье рассматриваются синонимические пары типа *to glance—to give a glance*³, включающие полнозначный глагол и ФЕ, в состав которой входит глагол «широкого» значения и отглагольное существительное, омонимичное полнозначному глаголу. Под «широким» значением понимается «значение, ... содержащее максимальную степень обобщения, проявляющуюся в чистом виде лишь в условиях изоляции слова и получающее известное сужение и конкретизацию при употреблении слова в речи»⁴.

Глагол в составе ФЕ данного типа является носителем грамматических значений и обобщенного понятия действия отглагольное существительное — носителем основного лексического значения словосочетания.

Существительное в сочетаниях подобного типа омонимично и этимологически родственно синонимичному полнозначному глаголу, будучи образованным от него способом конверсии. Следует особо отметить полное тождество основ глагола и существительного и полное отсутствие случаев так называемой трансфигурации, когда лексической основой лексемы, образованной способом конверсии, является косвенная форма исходной лексемы, например:

Let's have a look at her.

H. Spring. «All the Day Long».

The path gave a sudden twist.

L. Carroll. «Through the Looking-Glass».

Leila gave a light little laugh but she did not feel like laughing.

K. Mansfield. «Her First Ball».

¹ К. Баранцев. Словник синонімів англійської мови. Киев, 1964. A. G a p - d e l s m a n. English Synonyms Explained and Illustrated, Moscow, 1963.

² А. В. Кунин. Морфологические особенности компонентов фразеологических единиц в современном английском языке. «Иностр. яз. в школе», 1967, № 4.

³ Подробная морфологическая характеристика сочетаний типа *to give a glance* дана в кандидатской диссертации Б. И. Роговской «Аналитическая конструкция типа *to give a laugh* в современном английском языке». Харьков, 1947.

⁴ Н. Н. Амосова. Основы английской фразеологии. Изд-во ЛГУ, 1963, стр. 114.

Синонимичные пары, состоящие из полнозначного глагола широкой семантики с существительным, образованным способом аффиксации от синонимичного глагола, встречаются в разных языках, в том числе

а) русском:

заключать — делать заключение,
предлагать — делать предложение,
помочь — оказать помощь,
доверить — оказать доверие;

б) немецком языке:

verzichten—Verzicht leisten,
ausdrücken — zum Ausdruck bringen;

в) в современном французском языке встречаются подобные сочетания с глаголами

faire, avoir, prendre, donner:
appeler — faire appel,
considerer — prendre en consideration,
decider — prendre une decision.

г) аналогичные синонимичные пары довольно многочисленны и в английском языке: to discover — to make discoveries

'I am slow to make discoveries', said Harrock grimly. 'But what I discover...

H. Wells. «The Cone».

to measure — to take measurements

'I'll just take the measurements'. And she took a ribbon out of her pocket and began measuring the ground,

L. Carroll. «Through the Looking-Glass».

Однако все вышеприведенные ФЕ отличаются от ФЕ типа to give a glance тем, что входящие в их состав существительные оформлены морфологически; в то время как существительные в ФЕ типа to give a glance омонимичны инфинитиву глагола — синонима (to glance). Поэтому хотя синонимичные ряды, включающие ФЕ с глаголом широкого значения и отглагольным существительным, оформленным морфологически, являются достоянием и других языков, синонимичные ряды типа to glance — to give a glance — особенность современного английского языка.

Синонимичность ФЕ данного типа глаголам омонимичным существительному ФЕ может быть проиллюстрирована синонимичными рядами to sleep — to get some sleep, to glance — to cast a glance.

I think we should allow Maria to get some sleep.

H. Spring «All the Day Long».

If it is their intention to deprive them of sleep, why do they let them sleep after five in the morning?

J. London «Carrying the Banner».

В обоих предложениях get some sleep и sleep выступают в составе одной и той же инфинитивной конструкции, т. е. the prepositionless objective infinitive complex, после синонимичных глаголов allow, let и являются, таким образом, взаимозаменяемыми членами одной дистрибуционной модели.

But instead of replying the fat man wrote something, glanced at her again.

K. Mansfield «Her First Ball».

She slit the envelope, and read the missive with swift — travelling eyes: read it again and cast a quick shrewd glance at Nevada.

O. Henry «Schools and Schools».

И в этих примерах *glance — to cast a glance* выступают в одинаковой функции — одного из однородных сказуемых простого нераспространенного предложения.

Интерес к синонимичным парам типа *to glance — to give a glance* вызывается и тем, что ФЕ типа *to give a glance* являются, в известной степени, новообразованием (их возникновение относится ко второй половине XV века) и новообразованием весьма продуктивным.

Возникновение и развитие фразеологических единиц данного типа связано с усилением удельного веса аналитических элементов в языке, особенно в системе глагола. Целый ряд исследователей¹ отмечают присущую английскому языку тенденцию к замене полнозначных глаголов словосочетаниями грамматического или фразеологического порядка, рассматривая данное явление как проявление аналитической структуры языка в широком смысле.

Наиболее частотными глаголами в ФЕ типа *to give a glance* являются глаголы *to have, to take, to make*. В ряде случаев они взаимозаменяемы:

To have } a sleep
to get }

to have } a drink, a swim
to take }

to have } a try
to make }

'Perhaps', Hugo said, 'Maria would prefer on her first night to have a long old-fashioned sleep.'

H. Spring. «All the Day Long».

'Let's climb over and get a good sleep'.

J. London. «Carrying the Banner».

Однако в большинстве случаев подобная взаимозаменяемость глаголов, входящих в состав ФЕ, невозможна. Это объясняется тем, что лексический ареал этих глаголов ограничен. Так, например, существительные *a swim, a walk, a try* сочетаются с глаголами *to have, to take*, но не с *to give*. С другой стороны, *to give, a* не *to take* сочетается с *a glance, a look, a laugh, a sigh*. Это свидетельствует о том, что в глаголах, являющихся компонентами ФЕ типа *to give a glance*, не происходит семантического выхолащивания.

Значением, объединяющим ряды типа *to glance — to give (have, take, throw, cast) a glance* в синонимические гнезда, является основное (basic) значение глагола-синонима *to glance*.

Характер их синонимической оппозиции может быть неоднородным. Это может быть видовая оппозиция: ФЕ *to give a glance* дает возможность выразить видовую характеристику действия, его однократность, cf:

а)
He got down and gave me a brotherly kiss.

H. Spring. «All the Day Long».

I wonder if the snow loves the trees and fields, that it kisses them so gently.

L. Carroll. «Through the Looking-Glass».

¹ В. М. Жирмундский. Об аналитических конструкциях. Сб. «Аналитические конструкции в языках различных типов». М., 1965.

б)

Let's **have a look** at the garden.

L. Carroll. «Through the Looking-Glass».

We **looked** at one another for a wordless moment, weighing one another up.
H. Spring. «All The Day Long».

в)

..... here the Fawn **gave a sudden bound** into the air.

L. Carroll. «Through the Looking-Glass».

Big rocks were **bounding** down the side of the hill.
The Advanced Learner's Dictionary of Current English.

ФЕ может выражать и «повторно — дробное» (по терминологии Н. Н. Амосовой) действие при наличии отлагольного существительного во множественном числе:

I have seen you **give him looks and smiles** this very night.

Ch. Dickens. «Great Expectations».

Синонимическая оппозиция может быть стилистической. Грамматическая дистрибуция, присущая существительному ФЕ, дает возможность передать посредством атрибутивного прилагательного (или причастия) качественную характеристику действия (при отсутствии в языке соответствующего по смыслу наречия), например:

General de Gaulle **was given a rousing welcome**.

The Morning Star, 1966.

'And then, there's the Butterfly' Alice went on, after she **had taken a good look** at the insect with its head of fire.

L. Carroll. «Through the Looking-Glass».

She **gave me a sidelong glance**.

Ch. Dickens. «David Copperfield».

Синонимичный глагол потребовал бы развернутого описательного оборота или придаточного предложения.

В ряде случаев адекватная передача понятийного содержания, выраженного ФЕ типа *to give a glance*, при синонимичном глаголе, по-видимому, невозможна. Так, отсутствуют адекватные трансформы с синонимичным глаголом для таких предложений, какLaura passed and **gave her the faintest little wink**.

K. Mansfield. «Her First Ball».

Alice **gave a little scream of laughter**.

L. Carroll. «Alice in Wonderland».

He **gave her quite a shock** again to see how old he was.

K. Mansfield. «Her First Ball».

'Now', I said, 'let's **have a bit of a walk** before breakfast'.

H. Spring. «All the Day Long».

Нередко даже при наличии потенциальной возможности употребления глагола предпочтение отдается синонимичной ФЕ, например:

The Mouse **gave a sudden leap** out of the water.

L. Carroll. «Alice in Wonderland».

He explained how you **gave the boat a hearty shove**.

H. Spring. «All the Day Long».

Чем же объясняется предпочтение, оказываемое ФЕ? Основной причиной является отчетливо проявляющаяся в современном английском языке тенденция к разграничению формального и коммуникативного. Эта тенденция охватывает не только подсистемы морфологии и синтак-

сиса¹, но пронизывает всю систему английского языка, включая и его лексическую систему. Подтверждение этому мы находим в широком использовании ФЕ типа *to give a glance*, которая, как упоминалось выше, обладает по сравнению с синонимичным глаголом целым рядом достоинств, большей коммуникативной ценностью и гибкостью.

¹ См. В. С. Khaimovitch, В. J. Rogovskaya. *A Course in English Grammar. Syntax.*

ОБЛИЧЕНИЕ МОНАРХИИ ДОЛЛАРА В ПУБЛИЦИСТИКЕ
МАРКА ТВЕНА*Б. А. Зильберборд*

В творчестве М. Твена публицистика занимает довольно большое место. Именно в публицистике полнее всего раскрылся обличительный пафос писателя, то страстное непринятие американской демократии, в которую он в начале своего творческого пути так верил. Эта вера в способности американской демократии служить интересам народа несомненно обусловила жанровую особенность произведений этого периода (имеется в виду конец 50-х и начало 70-х годов). Большинство из них — юмористические новеллы. Легкий, добродушный, подчас грубоватый юмор, юмор фронта — стихия этих ранних новелл. Вместе с тем даже в этот период бросается в глаза ощущение тревоги, возникшее у писателя в связи с быстрым развитием капитализма в США после окончания гражданской войны, в связи с ростом коррупции и власти монархии доллара. Добродушный юмор порой явно уступает место иронии и сатире. Банкнот в 1 000 000 фунтов стерлингов, владельцем которого, случайным и временным, оказывается безвестный молодой человек, открывает ему все двери, как некое волшебное заклинание: «Сезам, откройся».

В рассказах «Журналистика в Тенесси», «Как меня выбирали в губернаторы», «Как я редактировал сельскохозяйственную газету» очень много по-настоящему смешных комических ситуаций, но в них уже явно виден М. Твен — не только остроумный рассказчик, Твен — юморист, но и Твен — социальный критик. Даже в таких, окрашенных мягким лиризмом, светлым и добродушным юмором романах, как «Приключения Тома Сойера» и «Приключения Геклберри Финна» много горьких и разоблачительных страниц. В романе же «Позолоченный век» Твен уже самим названием обыгрывает несоответствие между его представлением о демократии и действительностью.

Чем больше после окончания войны между Севером и Югом богатели монополисты США, не брезгуя никакими темными аферами, скупая оптом и в розницу не только земли и рудники, но и политических деятелей, подкупая суд, прессу и саму святая святых — сенат, тем более горьким становилось разочарование писателя в демократии, тем острее была его критика. Особенно ярко это проявилось в публицистике Твена — жанре, который в силу своей природы необычайно живо отзывается на все события общественной и политической жизни.

Есть писатели, у которых границы жанров довольно строго очерчены. Так, например, можно говорить о размежевании жанров в творчестве Лондона, выступавшего и в области художественной прозы, и в области публицистики. Если не считать двух его произведений — «Железная пята» и «Люди бездны», то граница эта в общем довольно четкая. О таком

же размежевании можно говорить и у Драйзера. Вряд ли нужно говорить про четкую демаркационную линию между художественной прозой и публицистикой у М. Твена. Нередко жанры соседствуют. Значительные элементы публицистики мы находим и в романе «Позолоченный век», и в новеллистике писателя. С другой стороны, в его произведениях публицистического жанра мы нередко встречаемся с элементами художественной литературы — художественным вымыслом, вставными сценками, притчей, пародией и т. д. Так, в статье «С точки зрения кукурузной лепешки», посвященной различным политическим и этическим проблемам, несомненно есть элементы рассказа. Статья начинается воспоминаниями мальчика М. Твена о детстве, его знакомстве с «нахальным, очаровательным негром», который вместо того, чтобы колоть дрова, проповедывал взгляды на жизнь до тех пор, пока мать Твена не накричала на обоих. В памфлете «Человеку, ходящему во тьме», в котором писатель беспощадно разоблачает колониалистскую и экспансионистскую политику США, есть вставная сценка, пародирующая сказки из «Тысячи и одной ночи» — «Сказка о короле и казначее», притча «Арбузы» и т. д. Такое соседство получается плодотворным. Новеллистика как бы берет у публицистики ее отточенность, злободневность, элементы же художественной литературы, используемые в публицистике, делают ее образной и запоминающейся.

Две темы, естественно включающие в себя как подтемы другие проблемы, являются главными в публицистике М. Твена. Это — обличение монархии доллара и разоблачение империалистической и колониальной политики США. Естественно, размер статьи не дает нам возможности рассмотреть обе темы. Поэтому мы остановимся только на первой из них.

Пожалуй, нигде так не бичует М. Твен дух корыстолюбия (если не считать его повести «Человек, который совратил Гедлиберг»), как в сатирическом памфлете «Исправленный катехизис», рассказе — памфлете «Обед с сенатором Кларком» и памфлете «Открытое письмо коммодору Вандербильту». Сатирический памфлет «Исправленный катехизис» — пародия на Вестминстерский катехизис (краткое изложение христианского вероучения и своеобразное наставление относительно того, что является смыслом жизни и как человек может спасти свою душу).

Подобно новому Ювеналу хлещет М. Твен своим сатирическим бичом современных ему апостолов доллара, растленных преступников, которые под божественным водительством сенатора Уильяма Марси Тунда, главы Тамани Холла фактически заправляли всеми делами Нью-Йорка и ограбили город на 200 миллионов долларов.

Пародируя Вестминстерский катехизис, писатель использовал форму его: вопросы, касающиеся смысла жизни, и ответы — наставления.

Вот как «Исправленный катехизис» отвечает на главный вопрос христианской веры: «Кто есть бог, истинный и единый?» Ответ: «Деньги — вот бог. Золото, банкноты, акции — бог отец, бог сын, бог дух святой, един в трех лицах; господь истинный, единый, всевышний, всемогущий, а Уильям Тунд — пророк его»¹.

Отвечая на вопрос, как звали апостолов Христа, М. Твен берет имена их для изображаемых им апостолов грабежа. Но у современных ему апостолов есть и фамилии. Поэтому один из них называется святым Матвеем Карнохеном, восседающим у приема пошлин (Джон Меррей Карнохен — санитарный инспектор нью-йоркского порта, наживший огромное состояние на так называемых пошлинах и просто взятках). Другой назван святым Павлом Гулдом (известный американский финансист Джей

¹ М. Твен. Собр. соч., т. 10, Гослитиздат, М., 1961, стр. 648.

Гулд) и т. д. Некоторые апостолы, правда, названы только по фамилии — святой Харви-благовзятель, святой Ингерсол, поставщик священных ковров (имеется в виду Джеймс Ингерсол, аферист и спекулянт, поставлявший для различных организаций Нью-Йорка ковры и стулья по фантастическим ценам). Появляется среди апостолов и аллегорический оперсонаж «Святая нью-йоркская типографская кампания».

Одним из достоинств художественной публицистики М. Твена является, по нашему мнению, умение писателя создать яркие впечатляющие характеристики тех или иных явлений, используя при этом очень скудные выразительные средства. Вот как, например, характеризуется десятый апостол — «святая нью-йоркская типография». Святость ее подчеркивается двумя, гармонирующими с этим понятием эпитетами: «смирренная» и «кроткая». Затем эта краткая, но выразительная характеристика дополняется не менее краткой и еще более выразительной, уничтожающей понятие святости и обличающей лицемерность этой святости оценкой — «правая рука ее не ведает, что хапнула левая».

К такому же лаконизму формы прибегает М. Твен в следующем ответе — наставлении, отвечающем на вопрос, как достичь главной цели человеческой жизни:

Ответ: «Поставляйте воображаемые ковры судебным учреждениям и мифические стулья арсеналам, выполняйте невидимые типографские заказы для городского управления».¹ И далее, развивая ответ на вопрос: «А что еще можно делать? — Да мало ли что. Подкупите за сходную цену таможенного апостола; сдирайте три шкуры за разгрузку судов; грабьте иммигрантов, прибывающих из-за моря...»².

В другом своем публицистическом произведении — памфлете «Открытое письмо коммодору Вандербильту» писатель с присущим ему мастерством за частным видит целое, за каким-то одним фактом — типичное, опять-таки в предельно лаконичной форме рисует хозяев Америки — Вандербильтов, Асторов, Гулдов и др. некоронованных королей. На этот раз характеристика апостолов коррупции и грабежа вкладывается как бы в уста одного из них — всевильного коммодора Корнелиуса Вандербильта, нажившего свои 70 миллионов на разных грязных и мошеннических сделках и уверенного, что закон — он сам. «Закон? Экое дело закон. Разве власть не в моих руках?» Одного только «Открытого письма коммодору Вандербильту» достаточно, чтобы опровергнуть точку зрения официальной буржуазной критики, стремящейся представить М. Твена, как юмориста, безобидного, добродушного и остроумного рассказчика. Каждая строка даже в одном этом упомянутом произведении исполнена грозной правды, гневным и справедливым обвинением писателя, каждая строка разоблачает миф об особом развитии американского капитализма, о возможности каждого энергичного, честного человека выдвинуться в этой «обетованной стране».

Характеристика Вандербильта в памфлете идет как бы в двух планах: обнажение своей страшной бесчеловечной сущности дается самим Вандербильтом: «Пусть не попадается мне на дороге, а если попадется и я его сшибу, изувечу — не важно — откуплюсь»³, и самим писателем. Иногда прямое, гневное, серьезное без тени иронии обличение Твеном Вандербильта перебивается жалостью писателя к «бедняге» Вандербильту, который, не зная ни сна, ни покоя, из кожи лезет вон, чтобы прибавить еще 430 миллионов к своим семидесяти для общего круглого счета.

¹ М. Твен. Собр., соч., 10, стр. 649.

² Там же.

³ Там же, стр. 638.

Памфлет «Обед с сенатором Кларком», который мы по жанровым особенностям и содержанию скорее отнесли бы к жанру публицистическому, чем к новеллистике, был написан за два года до смерти писателя в 1907 г., когда США уже стала империалистической державой. Естественно, в связи с этим в памфлете еще больше боли и горечи за свой народ, за свою страну, которыми торгуют Тунды, Кларки, Холлы и т. д., еще больше отвращения к империи денежного мешка.

И если, как справедливо замечает в своей книге «М. Твен — социальный критик» американский критик-марксист Ф. Фонер и в своем послесловии к этой книге советский литературовед Ясен Засурский — отношение М. Твена к капитализму, очень бурно развивавшемуся после гражданской войны, было несколько двойственным, то уже в конце 80-х годов, когда стяжательство и коррупция достигли неслыханных размеров, писатель окончательно расстается со своими иллюзиями относительно особого развития американского капитализма.

Пожалуй, нигде до М. Твена и, в особенности, до его памфлета «Обед с сенатором Кларком» с такой потрясающей силой не было раскрыто это страшное растлевающее влияние денег на человека, не были так безжалостно показаны золотопоклонники.

Кларк-банкир и шахтовладелец в 1898 г. путем жульнических махинаций и подкупа был избран в американский сенат. Все те, кто голосовали за него, прекрасно знали цену этому самодовольному, невежественному, восхваляющему себя мужлану, знали и все же сделали его сенатором потому, что не устояли перед его долларами. «Его история, — пишет в памфлете М. Твен, — всем известна. Это отвратительное существо, это позор для американской нации и те, кто посылали его в сенат, прекрасно знали, что его истинное место в тюрьме с закованными руками и ногами».¹

Сенатор Кларк — лицо не вымышленное, но силою мастерства писателя превращенное в художественный образ беззастенчивого стяжателя, почитающего уже не только человеческие ценности, но и государственные. Таким же собирательным, художественно обобщенным и типизированным образом являются почитатели Кларка, ползающие перед ним на коленях.

С болью и с каким-то, можно сказать, погрязением говорит об этом в памфлете М. Твен. «В первый раз я увидел, как люди опустились в грязь и открыто поклонялись долларам и их владельцу. Конечно, я знал об этих вещах из газет, но я никогда до того времени не слышал, как люди восхваляли доллары, не видел людей на коленях за совершением этого акта».²

Такое гиперболическое заострение образа коленопреклоненных долларопоклонников, ползающих в грязи, делает его особенно запоминающимся и вызывающим крайнее этическое и эстетическое его неприятие.

На службе у монархии доллара состоят и полиция, и пресса, и суд, и церковь. Они существуют милостью и соизволением воротил бизнеса и служат им верно подданнически. В памфлете «Чем занимается полиция?» М. Твен саркастически с первой же строки замечает, как добродетельна полиция США, как она следит за порядком, как бдительно хватается какого-нибудь несчастного голодного китайца, укравшего курицу, не видя при этом, как спокойно крадут у государства и народа и кладут в карманы целые сосоюния достопочтенные бизнесмены.

Используя художественный прием так называемого иронического оправдания, писатель до предела обнажает продажную сущность джентльменов дубинки.

¹ М. Твен. Обед с сенатором Кларком. Госполитиздат. М., 1957, стр. 10.

² Там же, стр. 11.

«Свободная» печать в США — также предмет сатирического обличения писателя. Еще один миф, еще об одной свободе начисто разоблачен М. Твеном. В статье «Разнузданность печати» писатель с язвительным сарказмом говорит о том, что «у нас свободная печать, даже более свободная, — это печать, которой разрешено обливать грязью неугодных ей общественных деятелей и частных лиц и отстаивать самые чудовищные взгляды».¹

Печать в США не служит пропаганде высоких идей человечности, нравственных принципов. Она продажна, как и все в империи доллара. «В газетах западных штатов охотно напечатают редакционную статью, выражающую самые гнусные вредные взгляды, — стоит только заплатить владельцу по доллару за строчку».²

Становление М. Твена как социального критика и сатирика было сложным, иногда противоречивым; иллюзии относительно свободного духа предпринимательства изживались не сразу. Порой некоторая буржуазная ограниченность мешала ему видеть вещи в их истинном свете, приводила к несколько наивным оценкам тех или иных фактов. Но всегда он оставался честным и непримиримым критиком духа стяжательства и грабежа, обличителем монархии доллара, большим художником, умеющим глубоко заглянуть в природу фактов, увидеть за частным целое, типичное.

¹ М. Твен. Собр. соч., т. 10, стр. 654.

² Там же, стр. 656.

НЕПОЛНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ВОПРОСНО-ОТВЕТНОЙ ФОРМЕ ДИАЛОГА

(На материале немецкого и русского языков)

К. И. Ланецкая

По синтаксической структуре предложения вопросно-ответной формы диалога можно разделить на три группы: 1) полносоставные, в которых налицо оба главных члена двухсоставного предложения или главный член односоставного предложения. Сфера их употребления не ограничивается только диалогической речью, они универсальны по своему употреблению и составляют основной грамматический фонд любого языка, поэтому наиболее исследованы и в русском, и в немецком языках. Это облегчает сопоставление данного типа предложений в различных языках. Например: Was wollen Sie denn anfangen? — Ich gehe zu meiner Tochter. Wie ist es denn gekommen? — Ich weiß nicht. (E. M. R.) А у вас, Дедеев, тоже есть дядя краевед? — У меня есть бабушка. (Г. Гор.).

2) Слова-предложения и типизированные формулы, в которых синтаксический состав не всегда определим:

Например: Неужели? Да? Нет. Хорошо? Идет. Wieso? Was denn? Klar! Ja. Nein. Natürlich.

Эти структуры устойчивы в обоих языках, их состав постоянен. Изучение их относится скорее всего к области фразеологии, чем грамматики.

3) Неполносоставные предложения, осознаваемые как члены предложения двусоставного типа — подлежащее, сказуемое, дополнение и т. д. Например: За что вы его? Обедать скоро?¹ Du an mich? (A. Sgh.). Ist nicht sehr helle. (H. Fall.)

Такие предложения многотипны по своему составу и динамичны, т. е. в их составе наблюдается значительная варибельность, которая, однако, не произвольна. Решающим фактором при построении таких предложений является коммуникативная задача контекста, но кроме этого действуют и определенные грамматические правила, не совпадающие в целом ряде случаев в немецком и русском языках. Поэтому простое перенесение типов предложений одного языка в другой приводит к тому, что в диалогической речи на немецком языке употребляются нетипичные и даже неправильные конструкции, построенные по аналогии с русским языком.

Общность основных типов неполных предложений в немецком и русском языках установлена², но существует и много различий в деталях

¹ И. А. Попова. Неполные предложения в современном русском языке. «Труды ин-та языкознания», вып. 2, М., 1953. Отмеченные примеры по русскому языку заимствованы из этой работы и художественные произведения не указаны в списке литературы.

² К. И. Ланецкая. О сходстве и различиях неполных предложений в немецком и русском языках. «Вопросы теории и методики преподавания германских языков». Изд-во ХГУ, 1965.

построения каждого типа. Выяснение этих различий имеет практическое значение, так как они еще мало изучены, а синтаксические сопоставления специально еще не проводились.

1. Вопросительные предложения с вопросительным словом

В русском языке очень распространены вопросительные предложения с вопросительным словом, в которых нет глагольной формы сказуемого. Если отсутствует бытийный глагол, то эти предложения не считаются неполными¹; аналогично могут отсутствовать и сказуемые, не являющиеся бытийными глаголами: Например: Где ты? Куда вы? Что с вами? А вы сами откуда? (Фад.)¹. Откуда мужики (Л. Т.)¹. На немецкий язык такие предложения могут быть переведены только со сказуемым, хотя оно и в немецком языке может оказаться бытийным глаголом: Где ты? — Wo bist du? Что с вами? — Was ist mit Ihnen?

Из этого следует, что в немецком языке сочетание вопросительного слова *wo* с подлежащим не типично. Пропуск сказуемого — бытийного глагола при этом местоимении имеет место в тех случаях, когда неполному предложению предшествует полное, сказуемое которого относится и к неполному: Wo mag Schonatz stecken? Wo Schlichting, Hellmann, Enders? (W. Br.)

И совсем редко встречаются вопросительные предложения с местоимением *wo* без сказуемого, которое не упоминалось раньше: Wann und wo Treffpunkt? (Fr. W.).

Сочетание вопросительных слов *wohin* и *wie* с подлежащим без сказуемого в исследованной литературе не встречалось.

Таким предложениям русского языка как, например: «Как твой план?», «Как отец?» соответствуют предложения немецкого языка со сказуемым: Was macht die Kleine (E. M. R.) Was macht dein Plan? (Umgangssprache).

Сочетание вопросительных слов *wozu*, *warum* с подлежащим встречается более часто: Warum die Frage? (W. Br.) Wozu das alles? (W. Br.)

В русском языке в предложениях может отсутствовать сказуемое-глагол «говорить». Такие предложения некоторые авторы тоже не рассматривают как неполные, они тоже типизированы, устойчивы, например: «К чему ты эти глупости?»² «О чем вы так долго?». В немецком языке аналогичных сочетаний не обнаружено.

Не типичны для немецкого языка также сочетания вопросительных слов *wann*, *wofür*, *für wen* со сказуемым без подлежащего. В русском языке такие вопросы типизированы, например: «Письмо готово, сложено... Татьяна, для кого ж оно? (П. Е. О.)². «Когда же мы на охоту?» (Тург.), «Что же ты так поздно?» (Фад.). В русском языке типизированы также вопросительные предложения без подлежащего, например: «Когда придешь?», «Куда едете?», «Где живете?», «Как поживаете?», «Эй, баба, баба, куда ходила?» (Гонч.). В немецком языке аналогичных сочетаний не наблюдалось.

2. Вопросительные предложения без вопросительного слова

В русском языке синтаксически устойчивыми структурами считаются предложения без сказуемого, например: «Вы к сыну?», «А вы давно из

¹ См. примечания на стр. 2.

² Там же.

Петербурга?». В немецком языке такие структуры не типизированы и сказуемое бывает пропущено в том случае, если вопросительное предложение является повтором части предшествующего повествовательного предложения и имеет целью передать реакцию собеседника на сообщение; обычно это удивление, изумление, недоверие и т. д. Например: *Ich bin aus Westhofen ausgerückt. — Du aus Westhofen? (A. Sgh.) Ich hab an dich gedacht. — Du an mich? (A. Sgh.) Da war doch niemand. — Niemand? (B. Kell.)*

Аналогия существует между предложениями, в которых отсутствует сказуемое-глагол *быть*, *sein*, например: «Ты здесь?» — *Sie hier? (E. M. R.) Sie unter soviel Vorgesetzten? (A. Zw.)*

Это не подлинные вопросы, это вопросы-подтверждения, они и по своему порядку слов не являются типичными вопросительными предложениями немецкого языка. Такие вопросы выражают эмоциональную реакцию говорящего на тот или иной момент в речи собеседника.

В русском языке распространены и типизированы вопросы без подлежащего, например: «Придешь завтра?», «Будете ужинать?», «А когда же будет?» (Лерм.)¹. В немецком языке тоже встречаются предложения такого типа, но они являются неполными, например: *Hast wohl jemand in Wien? (Fr. W.) Willst mich wohl holen (A. Pr.)*

3. Одночленные предложения-вопросы

Вопросы могут относиться к любому члену предложения. Данные предложения имеют много общего в обоих языках, так как эти вопросы не требуют сочетания нескольких членов предложения, например: «Ты ступай туда». — «Куда?» (Гог.)². «Он шел и вас бранил» — «Кому?» (Лерм.)³. *Der hat kein Vertrauen zu dir, scheint mir. — Wer? (W. Br.) Ich hab eine kochende Wut im Bauch, — gesteht Karl. — So? Wut? Auf wen denn? (W. Br.) Wußte er davon? — Er? Wovon? (W. Br.)*

Одночленными могут быть и неместоименные вопросы, например: «Колебался он?», «Трусил?», «Смущался?», (Тург.). «Спит?» (Гог.), «Утром?». *Müde? Nach Hause? Herr Lohkamp? (E. M. R.)*

Для немецкого языка не характерно употребление сказуемого — личного глагола изолированно. Обычно употребляется изолированно только предикатив или неличная форма глагольного сказуемого: *Geschmeckt? Verfolgt? (E. M. R.)*

4. Ответные предложения

Предложения-ответы зависят от вопроса не только в смысловом отношении, но и в структурном. Это могут быть выделенные члены вопросительного предложения, однословные ответы, поясняющие какой-нибудь член вопросительного предложения и оформленные как соответствующие члены предложения, сочетания одного из главных членов с второстепенными или часть одного главного с каким-нибудь второстепенным. Их можно подразделить в таком порядке: а) сказуемое (или его часть), например: «Как фамилия?» — «Конюков» (Сим.), «Да кто ж она?» — «Жена моя». (Пуш. Е. О.). *Wie alt sind Sie? — Dreißig Jahre. (W. Br.) Was macht die Kleine? — Will mal sehen. (E. M. R.) Wo ist Lina? — Säuft. (E. M. R.) Wie war er? — Unangenehm. (W. Br.) Wie heißt er? — Walter Kepler. (W. Br.)*

¹ См. примечание на стр. 2.

² Там же.

³ Там же.

б) Сочетание подлежащего с частью сказуемого. В немецком языке подлежащее может сочетаться со связкой или вспомогательным глаголом, а также с предикативом без связки или вспомогательного глагола, например: *War er Sozialdemokrat? — Ist er noch.* (W. Br.). *Hast du Bekanntschaften gemacht? — Hab ich.* (W. Br.).

Для русского языка типично употребление связки или личного глагола без подлежащего, например: «Вы были дома?» — «**Были**». «Ты хочешь есть?» — «**Хочу**». Сочетание подлежащего с предикативом в русском языке является обычным.

в) Подлежащее. Например: «Ну что, кто выиграл?» — «Разумеется, я» (Тург.). *Nun, und wer ist denn an seine Stelle gekommen? — Ein Herr Taubenhau.* (B. Kell.).

г) Дополнение. Например: «Чего хотите вы?», — «**Вас видеть**». (Лерм.)¹. «О чем ты думаешь?» — «Ни о чем». *Was haben Sie bloß vor? — Ein kleines Meeting, denke ich.* (W. Br.). *Was trinkst du? — Schokolade.* (W. Br.).

д) Определение. Например: «А вы на каком факультете?» — «На медицинском» (Чех.)². *Wünschen Sie ein großes oder ein kleines Zimmer? — Ein droßes.* (W. Br.).

е) Обстоятельства. Например: «Куда же мы с тобой?» — «На юг» (Шол.)³. «Когда же? — «Да хоть завтра» (Шол.). *Kennen Sie denn? Ziemlich denau. Wo haben Sie gearbeitet? — Niergends* (W. Br.).

ж) Следует упомянуть также ответные предложения, являющиеся повторным словом вопросительного предложения. В этих типах много сходства в русском и немецком языках. Например: «Что, там другой выход есть?» — «Есть» (Гог.). «И давно это завязалось?» — «Давно» (Тург.). *Gibt es denn Freikarten? — Ja es gibt.* (A. Sgh.).

Сопоставление моделей вопросно-ответной формы диалога показывает, что при определенном сходстве синтаксических моделей существует и целый ряд несоответствий. В немецком языке довольно ощутима тенденция к двусоставности предложения и целый ряд моделей без главного члена предложения не является типизированным. Их употребление обусловлено ситуацией или контекстом, с которым они тесно связаны, в то время как в русском языке аналогичные типы являются устойчивыми типизированными и более независимыми и воспринимаются как обычные формулы диалогической речи. Это предложения без подлежащего, без связки; для русского языка характерна более свободная сочетаемость подлежащего со второстепенными членами предложения, и нетипична его сочетаемость со связкой. Для немецкого же языка обычной является модель подлежащее + связка или вспомогательный глагол, а также значительная распространенность изолированного употребления Partizip II, который часто утрачивает свою синтаксическую функцию и переходит в разряд слов-предложений с неясной синтаксической ролью.

Все эти моменты очень важно учитывать при активном овладении немецким языком, а также при переводе художественных произведений, где часто встречаются совершенно неправильные трактовки немецких предложений вследствие недостаточной изученности особенностей их синтаксической структуры.

¹ См. примечание на стр. 2.

² Там же.

³ Там же.

СИНТЕЗ ДВУХ ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ ЗНАЧЕНИЙ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Л. М. Минкин

Утверждение и отрицание — полярные грамматические категории. Отрицание обычно маркировано, утверждение формально не выражено (нулевое выражение). Эти категории оппозитивны только в плане инвариантного значения, которое представляет выражение негативных связей между членами предложения. Вариантное значение, характеризующее лишь отношение говорящего к высказываемому, фактически сближает обе категории¹. Во французском языке для выражения одного из вариантных значений утверждения используется, в частности, определенная комбинация средств маркированной категории (отрицания). Это так называемое «двойное отрицание» (*double négation*). Под явлением «двойного отрицания» обычно понимают одновременное употребление в составе одной конструкции нескольких отрицательных элементов. При этом термин «двойное отрицание» используется в широком смысле, как любое сосуществование двух или более элементов отрицания в одном предложении, и в узком — как отрицание отрицания (случаи, когда два отрицания, взаимодействуя, дают утверждение)². Для французского языка подобная дифференциация имеет особое значение, поскольку прилагательная отрицательная конструкция здесь, как правило, содержит именно два или три отрицательных элемента. В основе таких конструкций лежит сложившаяся модель сложного (усложненного) отрицания, которая может быть представлена в зависимости от коммуникативных задач высказывания той или иной структурной формой (*ne... pas*, *ne... plus*, *ne... jamais... rien* и т. д.). Каждая из этих структурных форм имеет единое отрицательное значение, несмотря на то, что состоит из двух или трех компонентов (*ne* + одно (два) отрицательное слово). С другой стороны, негативные значения нескольких отрицательных элементов, взаимодействуя в предложении определенным образом, могут дать утверждение. Некоторые ученые ограничиваются только замечанием о том, что два отрицания в одном предложении погашают друг друга и дают утверждение³. Однако большая часть исследователей, совершенно справедливо признавая тот факт, что взаимодействие двух отрицаний может привести к утверждению, предостерегает от априорного

¹ Л. М. Минкин. Значения категории отрицания в связи с коммуникативным членением предложения. Сб. «Проблемы синхронного изучения грамматического строя» (тезисы), М., 1965; Про міжкатегоріальні відношення в граматичній системі французької мови, сб. научної конференції, Київ, 1967 (в печати).

² См. К. В. Саматова. К вопросу о «двойном отрицании» в современном русском языке. «Вестник МГУ», № 3, 1959 (историко-филологич. серия).

³ См. F. Guipot. *La Pensée et la Langue*. P., 1926, p. 493. В отношении русского языка см: В. С. Миропольский. Значение и употребление частиц *не* и *ни* в русском языке, Филологические записки, Воронеж, 1893, вып. IV.

подхода к языковым явлениям: нельзя придерживаться раз данной формулы «двойное отрицание-утверждение». Поэтому необходим тщательный анализ самих конструкций, которые содержат элементы отрицания¹.

Компонентами двойного отрицания могут быть одновременно и лексические и грамматические средства: *Julien n'était pas indigne d'elle ...* (Rolland). *Je n'ignorais pas qu'ils s'étaient mariés ...* (Jougllet). Между тем, в каких бы синтаксических построениях ни встречалось двойное отрицание, его природа остается неизменной. Оно, как отмечает румынский ученый Бэдэрэу, является результатом диалектического взаимодействия полярных значений утверждения и отрицания. Если отрицание обычно соотносится с утверждением, как его антитеза, то синтез двух отрицаний превращается в свою противоположность, т.е. дает утверждение². Утверждение-антитеза отрицания не равнозначно утверждению-синтезу двух отрицаний. Возьмем в качестве примера приведенное выше предложение из произведения Жугле. Здесь отрицательное лексическое значение сказуемого главного предложения, взаимодействуя с грамматическим показателем отрицания, приобретает противоположное утвердительное значение: *Je savais qu'ils s'étaient mariés ...* Однако сопоставление основной конструкции и ее варианта (с глаголом *savoir*) показывает, что они не равнозначны: конструкция с двойным отрицанием передает утверждение, но значительно ослабленное. Следовательно, предложение с двойным отрицанием имеет свой особый оттенок утвердительного значения.

Для того чтобы определить характер нового (утвердительного) значения, которое возникает в результате взаимодействия двух отрицательных значений, в частности, лексического и грамматического, следует установить, каким образом оно связано с общим смыслом предложения, с лексическими и грамматическими значениями его отдельных членов. Возьмем примеры: *... elle ne sera pas inconsolable ...* (Renard). *Non, mon ami, l'idéal n'est pas incompatible avec la nature humaine.* (Martin du Gard). Формально эти предложения являются общеотрицательными, так как форма *ne...pas* стоит непосредственно при глаголе-связке. Однако общий смысл этих предложений не отрицательный. Это объясняется тем, что отрицательное значение формы *ne...pas* взаимодействует не со значением глагола-связки, а с лексической семантикой предикатива. Между тем, взаимодействие отрицания со значением предикатива отражается на общем содержании предложения. Известно, что общее содержание предложения составляется, в основном, из значений его членов и из смысловых и грамматических связей между ними. В предложении с именным сказуемым предикатив определяет подлежащее, а глагол-связка осуществляет грамматическую связь между ними. Устанавливая связь между подлежащим и предикативом, глагол передает модальный характер этой связи, т.е. основной комплекс грамматических значений, которые определяют отношение содержания предложения к действитель-

¹ G. et R. Le Bidois. *Syntaxe du français moderne*, t. II, P., 1938, p. 662; A. Schweighauser. *De la négation dans les langues romanes*, Bibliothèque de l'École des Chartes, t. 2., 1851; M. Fischer, G. Hacquard. *À la découverte de la grammaire française*, P., 1959, p. 257; в отношении английского языка см. работу: С. А. Васильевой. Двукратное отрицание в древнеанглийском языке. Сб. работ Ленинградского технологического института пищевой промышленности, 1958; в отношении русского языка: Л. К. Ковалев. Категориальное и функциональное значение частицы *не*. «Русский язык в школе», 1941, № 1; М. С. Мачабели. Выражение отрицания в современном русском и грузинском языках, рукопись канд. дисс., Тбилиси, 1954, стр. 358.

² Dan Bădăraș. *La double négation et le langage courant*, КН.: «Philosophes roumains contemporains», Ed. de l'Académie de la République populaire roumaine, 1958.

ности. Изменения в лексическом значении предикатива оказывают определенное влияние на весь комплекс грамматических значений глагола-связки: характер осуществленности констатируемого факта, который выражается модальным значением индикатива, несколько ослабляется.

Таким образом, двойное отрицание служит не для передачи негативного характера связей между членами предложения (инвариантного значения отрицания), а для выражения отношения говорящего к содержанию высказывания (вариантного значения утверждения). Это значит, что двойное отрицание имеет экспрессивное значение, взаимодействующее с общим модальным значением предложения. Экспрессивное значение двойного отрицания, наслаиваясь на модальное значение предложения, оказывает определенное влияние на последнее, но не является таковым. Установив природу и характер двойного отрицания, обратимся к рассмотрению основных случаев, когда два отрицания дают утверждение¹. Эти случаи можно подразделить на две основные группы:

1. Утверждение возникает в результате взаимодействия двух грамматических показателей отрицания.

а) Общее фразовое отрицание взаимодействует с частным фразовым в одном предложении. Сказуемое в этом случае представлено конструкцией модальный глагол + инфинитив. *La sentinelle ne peut pas ne pas les apercevoir.* (Laffitte). Лебидуа считают, что такие предложения с удвоенной формой *ne... pas* не эквивалентны соответствующей утвердительной конструкции (без отрицаний)². Доказательством этого, по их мнению, может быть тот факт, что предложение: *Tu ne peux pas ne pas te poser la question... (J. Romains)*, выражающее необходимость (*Il faut absolument que tu te poses la question*), сильно отклоняется по значению от того же предложения без удвоенной формы *ne... pas*: *Tu peux te poser la question*, которое передает значение возможности (*Tu as la possibilité, le choix, la liberté de te poser la question*). Таким образом, двойное отрицание приводит в этих случаях не к простому утверждению противоположности, но существенно меняет смысл высказывания и, прежде всего, значение модального глагола, в семантике которого наблюдается движение от выражения возможности к выражению необходимости, что оказывает влияние на общую модальную окраску предложения. В качестве компонента частного фразового отрицания, взаимодействующего с общим фразовым, может быть использован предлог *sans*, вводящий предикатив: *... elles ne la trouvèrent pas sans épines.* (Rolland) *... cet état de désespoir n'était pas sans quelque douceur.* (Sand). В этих предложениях экспрессивное значение двойного отрицания вносит элемент предположения, вероятности или сомнения в констатацию утвердительного реального действия, которое передается значением индикатива глагола.

б) Взаимодействие двух отрицаний: главного и придаточного предложений. Наиболее интересные результаты дают те случаи, когда главное предложение представляет собой модальную предпосылку всего высказывания: *Il est impossible qu'il ne l'aime pas en vous voyant l'une auprès de l'autre.* (Maupassant). *Nous ne voulons pas, disait-il, que maintenant le monde puisse ne pas reconnaître le vrai visage de la France.* (Aragon). Заметим, что в первом предложении отрицание, выраженное лексически (*il est impossible*), фактически равнозначно грамматическому отрицанию (*il n'est pas possible*). По существу — это литота. В при-

¹ О «двойном отрицании» (-утверждение) в немецком языке в сопоставлении с тем же явлением в латинском и русском языках см: Н. А. Булах. Средства отрицания в немецком литературном языке, Ярославль, 1962, стр. 269—305.

² См: G. et R. Le Bidôis. *Syntaxe du français moderne*, t. II, P., 1938, p. 662.

даточных предложениях этих конструкций отрицание относится к основному лексически значимому элементу сказуемого: в первом примере к самому глаголу, во втором — к инфинитиву. Результат взаимодействия двух отрицаний обуславливается общностью субъектно-предикативных связей гипотаксической конструкции. Основным «объектом», с которым взаимодействует двойное отрицание, является модальный глагол (или выражение) главного предложения. В этом случае двойное отрицание выражает категорическое утверждение (уверенность), что отражается на модальной окраске всего высказывания.

в) Взаимодействие частного фразового отрицания с предлогом *sans*: *Mais oui, je suis chez moi, fit-il non sans impatience...* (Jouglet). В этом предложении *pop sans-avec*. Здесь двойное отрицание, как и в других случаях, дает утверждение, полученное путем отрицания противоположности, но в пределах одного слова. В стилистике такая фигура получила название литоты. Будучи использовано как литота, двойное отрицание оказывает влияние на экспрессивно-эмоциональные оттенки лексического значения слова, не входящего в предикативный комплекс.

2. Двойное отрицание, представляющее собой взаимодействие отрицательных значений, выраженных, с одной стороны, грамматически, с другой — лексически.

Обычно в этом случае грамматический компонент двойного отрицания представлен сложной формой типа *ne... pas*, которая стоит при глагольной части сказуемого. Роль второго компонента выполняют слова с отрицательной семантикой, выступающие в функции различных членов предложения, в частности, прямого дополнения, выраженного словом *pop* после декларативных глаголов: *Moi, je ne dis pas non, répondit Levaque d'un air distrait.* (Zola). *Elle ne dit pas non, haussant les épaules en riant.* (Stil). Эти предложения отличаются от синонимичных им: *Moi, je dis oui (je consens, je suis d'accord); elle dit oui (elle consent)* тем, что в них как бы отражается мысль собеседника, его отношение к соответствующему факту. Употребление *pop* вместо *oui* свидетельствует о том, что собеседник, вероятно, рассчитывает услышать отрицательный ответ. Между тем ответ оказывается утвердительным. Правда, утверждение выступает здесь в ослабленной форме, так как двойное отрицание вносит в констатацию факта, реальность которого выражается индикативной модальностью глагола-сказуемого, элемент сомнения, неуверенности со стороны говорящего. Инфинитив глагола отрицательной семантики, сочетаясь с модальным глаголом в отрицательной форме, создает двойное отрицание в составе сложного глагольного сказуемого: *Elle n'en pouvait rien ignorer, passant elle — même par toutes les douleurs...* (Maupassant). В этом предложении, как и при взаимодействии общего и частного фразовых отрицаний, двойное отрицание, значительно ослабляя отрицательный характер действия инфинитива, изменяет и семантику модального глагола *pouvoir*, который приближается по значению к глаголу *devoir* (Ср. *Elle n'en pouvait rien ignorer-Elle devait tout savoir*)¹. Глагол с отрицательным значением иногда сам выступает в роли сказуемого. При двойном отрицании значение этого глагола непосредственно взаимодействует со значением грамматического показателя отрицания *ne... pas*: *Poil de Carotte n'approuve pas et ne nie pas.* (Repard). *Il ne manquait pas de goût...* (Rolland). Элемент сомнения, колебания, предположения, вносимый двойным отрицанием, более отчетливо представлен в первом примере благодаря сопоставлению лекси-

¹ Эти конструкции можно сопоставить, если исходить из того, что *ignorer-ne pas savoir*.

ческих значений глаголов двух сочиненных предложений (... *p'arrgouve pas et ne nie pas*..., где *il p'arrgouve pas* не равноценно *il nie*, а *il ne nie pas* не является эквивалентом *il arrgouve*). В предложениях с именным сказуемым и безличных конструкциях двойное отрицание также вносит элемент сомнения, предположения в констатацию реального (реально возможного) действия: Ср. *Il ne fut pas mécontent que l'événement se produisît en l'absence de Noblet*... (R. Vailland). *Il n'était pas impossible*... de trouver vendeuse de laçons à cinquante centimes! (Rolland)¹. Иногда при сказуемом слово второй части приглагольного отрицания представлено или местоимением, выполняющим роль подлежащего, или же отрицательным детерминативом подлежащего. В том и другом случае подлежащее имеет отрицательное значение: *Vous voyez, nulle mécanique n'est infallible*. (L'Humanité — Dimanche, 19. 3. 1961, p. 5). *Rien n'est impossible, évidemment, mais*... (Laffitte). В этих предложениях двойное отрицание резко подчеркивает утвердительный характер соответствующего факта. Благодаря наличию в форме приглагольного отрицания компонента с отрицательным лексическим значением исключается всякое сомнение со стороны говорящего в отношении содержания высказывания. Следовательно, в противоположность многим из рассмотренных выше случаев, двойное отрицание имеет здесь экспрессивное значение усиленного утверждения.

Таким образом, двойное отрицание, представляющее собой результат диалектического взаимодействия двух полярных значений, имеет экспрессивное значение утверждения. Это значение не является прямо противоположным отрицательному, так как оно имеет свои собственные оттенки. В большинстве случаев употребления двойного отрицания оно имеет значение ослабленного утверждения. Значение усиленного утверждения двойное отрицание приобретает: а) когда его значение относится к значению модального глагола или целого выражения; б) когда второй компонент приглагольного отрицания выполняет роль подлежащего; в) или же при взаимодействии двух отрицаний в сложном предложении. Относясь непосредственно к семантике модального глагола, двойное отрицание существенно изменяет ее в пределах общих значений категории модальности.

¹ Безличную конструкцию в другом варианте: *Ca grand diable, dans toute la force de la jeunesse, ... impossible de ne pas reconnaître en lui l'ouvrier français*. (Agaton) можно рассматривать как случай, когда взаимодействуют общее и частное фразовые отрицания: ср. ... *il n'est pas possible de ne pas reconnaître*...

К ВОПРОСУ О ТВОРИТЕЛЬНОМ ПАДЕЖЕ (ИНСТРУМЕНТАЛИСЕ) В ДРЕВНЕГЕРМАНСКИХ ЯЗЫКАХ

В. С. Проценко

Традиционная сравнительно-историческая грамматика рассматривает инструменталис в западногерманской подгруппе языков как падежную категорию, находившуюся в стадии отмирания, исчезновения из языка в древний исторический период. Причиной этого исчезновения большинство исследователей считает редукцию безударной флексии в нейтральный гласный *-e* и рост количества различных предложных конструкций, пришедших на смену старым падежам.

Несколько поколений языковедов проделали огромную работу по подбору и систематизации языкового материала, касающегося изучения падежной системы индоевропейских языков. А. Шлейхер, Б. Дельбрюк, Г. Винклер, О. Эрдманн в разное время и с различным подходом к делу детально исследовали падежи, их происхождение, взаимосвязи и судьбы в индоевропейских и германских языках¹.

Кроме общих работ по исследованию падежной системы германских языков имеется большое количество трудов, посвященных изучению падежной системы одного письменного памятника или изучению одного определенного падежа².

Вопросам формы, значения, развития инструменталиса большое внимание уделяют в своих работах Б. Дельбрюк, Г. Хюбшманн, Г. Винклер. О. Эрдманн рассматривает инструменталис в германских языках менее детально по сравнению с другими падежами, мотивируя это тем, что инструменталис не представляет интереса для исследования, поскольку он не употребляется в современном языке³.

Специально древнегерманскому инструменталису посвящаются отдельные работы, например, Э. Зиверса, Й. Кресса и др.⁴.

¹ A. Schleicher. Vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen. Weimar, 1872. B. Delbrück. Ablativ, Lokalis, Instrumentalis... Berlin, 1867. B. Delbrück. Synkretismus. Straßburg, 1907. H. Winkler. Germanische Kasusyntax. Berlin, 1896. O. Erdmann. Grundzüge der deutschen Syntax nach ihrer geschichtlichen Entwicklung. Stuttgart, 1898.

² O. Behaghel. Die Syntax des Heliand. Prag, 1897. O. Erdmann. Untersuchungen über die Syntax der Sprache Otfrids. Halle, 1874. Piper. Über den Gebrauch des Dativs im Ulfilas, Heliand und Otfrid. Altona, 1874. Wolfermann. Die Flexionslehre in Notkers ahd. Übersetzung von Boethius. Altenburg, 1886.

³ O. Erdmann. Grundzüge der deutschen Syntax... Stuttgart, 1898, S. 51.

⁴ E. Sievers. Der angelsächsische Instrumental. Beitr. Bd. 8, 1882, S. 324. J. Kress. Über den Gebrauch des Instrumentals in der angelsächsischen Poesie. Diss. Marburg, 1864.

В общих работах по языкознанию, в исторических грамматиках с различной степенью подробности говорится об инструменталисе как о падеже, уже редко употреблявшемся в древнем периоде¹.

В трудах отечественных германистов также говорится об исчезновении инструменталиса как лишнего, ненужного падежа, очень ограниченного в своем употреблении в древний период².

Однако, несмотря на кажущуюся простоту и ясность в объяснении судьбы инструменталиса в германских языках, обнаруживается целый ряд противоречий между общепринятой трактовкой инструменталиса и фактическим языковым материалом.

У исследователей имеются различные мнения по следующим вопросам: 1) о принадлежности древнегерманского инструменталиса к индоевропейской падежной системе; 2) о принадлежности инструменталиса к германской падежной системе; 3) о наличии инструменталиса в древнеанглийском языке.

Кратко рассмотрим эти вопросы.

Как известно, древнегерманский инструменталис не укладывался в индоевропейскую парадигму, предложенную сравнительно-историческим языкознанием. Если и.-е. форматив *-o* для творительного падежа можно было увязать с древнегерманским *-u* в ед. числе, то другие формы, как, например, санскр. *-bhi*, *-mi* или хеттская *-it* не находили себе соответствия в германских языках³. Это дало основания Э. А. Макаеву рассматривать древнегерманский творительный падеж ед. числа как ареальную западногерманскую инновацию, возникшую на основе определенной индоевропейской модели⁴.

Для общегерманского состояния Э. А. Макаев постулирует наличие только четырех падежей: именительного, родительного, дательного и винительного. Творительный падеж сюда не включается, потому что он считается ограниченной ареальной инновацией⁵.

Б. М. Задорожный склонен к мысли о наличии общегерманской категории творительного падежа в связи с тем, что имеется этимологическое соответствие между такими формами, как див. *steinu* и гот. *steina*, причем последняя форма одновременно функционировала в качестве дательного и творительного падежей. О том, что творительный падеж являлся германской категорией, свидетельствует, по мнению Б. М. Задорожного, наличие творительного падежа в системе местоимений различных германских языков⁶.

Мнения исследователей расходятся также в отношении инструменталиса в древнеанглийском языке. Э. А. Макаев ставит под сомнение наличие этой категории в древнеанглийском языке. Он доказывает несостоятельность выводов Э. Зиверса и К. Бруннера о древнеанглийском творительном падеже с формативом *-e*. По мнению Э. А. Макаева, этот падеж на самом деле стражает модель и.-е. формата, т. е. формата дательно-местного падежа⁷.

¹ W. Willmanns. Deutsche Grammatik. Straßburg, 1896. Г. Прокош. Сравнительная грамматика германских языков. М., 1954.

² В. М. Жирмунский. История немецкого языка. М., 1948; О. И. Москальская. История немецкого языка. М., 1959.

³ A. Schleicher. Vergleichende Grammatik der indogerm. Spr. Weimar, 1892. S. 513. И. Фридрих. Краткая грамматика хеттского языка. М., 1952.

⁴ Э. А. Макаев. Именное склонение в германских языках. В кн.: Сравнительная грамматика германских языков, т. III, М. 1963, стр. 161.

⁵ Там же, стр. 142—144.

⁶ Б. М. Задорожный. Сравнительная грамматика германских языков, т. III, М., 1963. Рец. Иноземна филология, вип. 5, 1965, стор. 157.

⁷ Э. А. Макаев. Именное склонение..., стр. 144.

О. Огоновская не менее убедительно доказывает, что древнеанглийский инструменталис не только существовал как отдельный падеж, но, в отличие от мнения Б. Дельбрюка, даже не был синкретичным. По мнению О. Огоновской, древнеанглийские инструменталис и датив являются омонимичными падежами, поскольку они происходят из различных источников, и только вследствие изменений в конечных слогах со временем совпали по форме. Существование инструменталиса в древнеанглийском языке О. Огоновская считает бесспорным фактом, потому что одна из омонимичных форм с окончанием *-e* может выступать: а) в сочетании с инструментальным падежом указательного местоимения, например, *ƿ у dæge — в тот день (тем днем)*; и б) в сочетании с прилагательным в инструменталисе в функции определения: *spgrec mildere steuene — промолвил более нежным голосом*¹.

Наличие противоречивых точек зрения в трактовке древнегерманского инструменталиса свидетельствует о весьма большой сложности данной категории и о необходимости обстоятельных исследований.

При определении синтаксических функций и значений творительного падежа исследователи часто исходят при сравнении из современного состояния этого падежа в славянских языках, потому что данные санскрита менее доступны, греческий и латынь не имеют творительного падежа, а в славянских языках он представлен многообразно. Но, проецируя творительный падеж славянских языков на историческую плоскость древнегерманских языков, исследователи не учитывали того обстоятельства, что некоторые его функции и значения развились в славянских языках в исторический период. Например, творительный предикативный, которого не было в древнегерманских языках, лишь изредка встречается в западнославянских памятниках в XIV—XV вв.² Далее, в древнерусском языке нет ни одного случая употребления творительного сопроводительного без предлога; творительного пути нет в «Повести временных лет» (X—XI вв.), а по другим памятникам насчитывается всего восемь примеров; очень редко употреблялся творительный орудный с существительными, обозначающими одушевленные предметы; творительный причины очень редок и постепенно вытесняется конструкциями других падежей с предлогом³. Творительный действующего лица в славянских языках представлял собой развивающуюся категорию, которая заменила предложную конструкцию «от + родительный»⁴.

Древнегерманский инструменталис имел множество значений: сопроводительности, совместности действия, орудия, средства, материала и содержания, объекта, отношения, меры (при степенях сравнения), причины, времени, способа действия. Кроме того, он употреблялся адвербиально с местоимениями⁵.

Из беглого сравнения значений древнерусского и древнегерманского творительного падежа можно прийти к следующему выводу:

При сопоставлении значений древнегерманского инструменталиса по памятникам VII—IX веков с письменными памятниками славянских языков, датированных значительно позже, нет достаточных оснований

¹ О. Огоновська. До питання про інструменталіс в староанглійській мові. «Питання ром.-герм. філології», 1961, стор. 160—164.

² Л. Е. Лопатина. К истории творительного предикативного в славянских языках. Изв. АН СССР. Серия лит.-ры и яз., т. XXV, вып. 6, 1966, стр. 501.

³ Е. А. Седельников. Функции непредикативных конструкций с творительным падежом в древнерусском литературном языке. Канд. дисс., М., 1953, стр. 58.

⁴ Творительный падеж в славянских языках. М., 1958, стр. 127. 163 16 В. Delbrück. Synkretismus. Straßburg, 1907, S. 155.

⁵ В. Delbrück. Synkretismus. Straßburg, 1907, S. 155.

делать выводы об отмирании в германских языках тех значений творительного падежа, которые в славянских языках развиваются в более поздний исторический период.

Инструменталис в письменных памятниках VII—IX вв. встречается сравнительно редко, и это послужило многим исследователям основанием сделать вывод о его выходе из употребления еще в период полных окончаний.

Однако при тщательном анализе даже одного письменного памятника, а именно двн. Тациана, было установлено следующее:

Употребление падежей в связном тексте вызвано, по-видимому, жанрово-стилистическими особенностями текста. Данный текст содержит много глаголов, обозначающих движение (*qetaþan, faraþan* — *идти, ехать*) и говорение (*quedan, antlingan* — *спросить, ответить*). Этим обусловлено наличие большого количества номинативных конструкций. Любопытно количественное распределение существительных в тексте. Из 850 существительных м. и ср. рода а- и i- основ, примерно половина встречается в тексте всего один раз. По содержанию текста инструменталиса среди этих слов может и не оказаться. Те существительные, которые употреблены в тексте в инструменталисе, имеют примерно равномерное употребление и с другими падежами. Например, *oli*- ср. р. встречается два раза с вин. пад. ед. ч. (128,9; 148,2), один раз в род. пад. ед. ч. (108,3), один раз в дат. пад. ед. ч. (148,5) и два раза в инстр. пад. ед. ч. (44,29; 138,12). *fahs* (Naar) ср. р. встречается один раз в род. пад. ед. числа, два раза в инструменталисе (135,1; 138,11). Некоторые существительные встречаются только в инструменталисе, например, *stedi* (*Gestade*) (70,2; 77,3; 236,1).

Из вышеизложенного следует, что при исследовании письменных памятников недостаточно сделать простую инвентаризацию языковых форм, а необходимо проанализировать возможности лексической и грамматической сочетаемости элементов текста.

Неточный подход к количественной стороне употребления инструменталиса в германских языках повлек за собой неверные выводы о характере его исчезновения из языка. Одной из причин изменения падежной системы германских языков считают изменение ударения в слове и редукцию безударной флексии. Однако в древнем периоде, который определяется как период полных окончаний, еще нет фонетической редукции. Например, в двн. языке существительное м. р. ед. ч. а- основ имеет при склонении следующие формы: им. пад., вин. пад. *wolf*, род. пад. *wolfas*, дат. пад. *wolfa*, инстр. пад. *wolfu* (-o). При такой четкой парадигме в двн. языке нет оснований делать выводы об отмирании инструменталиса в результате редукции флексии.

Не совсем определенным представляется утверждение о том, что в связи с увеличением количества предложных конструкций, отпадает необходимость в падежных показателях. Например, в современном немецком языке пространственные отношения определяются при помощи предлогов, имеющих семантическую дифференциацию, например, *über, unter, neben, zwischen, vor, hinter* и др. Однако данные предлоги небезразличны к падежу имени, следующего за ними. Винительный падеж указывает на направление, а дательный на местонахождение: *ins Zimmer* — *в комнату* и *im Zimmer* — *в комнате*.

Распространение инструменталиса в древнегерманских языках ограничивается западным ареалом. Область распространения инструменталиса не захватывает северные языки. Если учесть то обстоятельство, что древнейшие письменные памятники на северногерманских языках относятся к XII в. (т. е. к тому времени, когда в западной подгруппе уже

была нивелирована падежная флексия)¹, то можно высказать предположение, что, возможно, и скандинавские языки имели инструментальный падеж в период, оставшийся за пределами письменных памятников. Рунические надписи слишком фрагментарны, чтобы по ним можно было судить о всей declinatio северных языков.

В заключение следует отметить, что инструменталис представляет собой хотя и сложное, но интересное явление в истории германских языков. И если языковедам при исследовании локатива и аблатива в и.-е. языках приходится прибегать к реконструкциям, то наличие материала с инструменталисом дает отправную точку для непосредственного исследования этого падежа.

¹ М. И. Стеблин-Каменский. История скандинавских языков. М.-Л. 1953, стр. 42.

**К СОПОСТАВЛЕНИЮ ЯВЛЕНИЯ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОГО
ПОДЧИНЕНИЯ В АНГЛИЙСКОМ И НЕКОТОРЫХ ДРУГИХ ЯЗЫКАХ**

Л. Н. Прудников

Изучение сложного предложения представляет большой научный интерес. Соединение его частей обуславливает новое качество, природа которого познана не полностью.

Одним из видов сложного предложения являются сложноподчиненные предложения с последовательным (многостепенным) подчинением, т. е. предложения, в которых от главной части зависит подчиненная часть, от которой в свою очередь зависит другая подчиненная часть и т. д. Такие предложения широко распространены в современном английском языке. Они ставят перед исследователем проблемы, которые на уровне предложений с подчинением первой степени даже не могут возникнуть. Их анализ представляет интерес для построения общей теории синтаксиса, касается ряда проблем теоретического и практического характера, не получивших развернутого освещения в научной литературе.

С целью более углубленного изучения последовательного подчинения мы сопоставили это явление в английском, русском, немецком и французском языках. При сравнении использования сложноподчиненных предложений с последовательным подчинением в различных языках, прежде всего обращает на себя внимание разная средняя частотность этого явления:

в английском языке	— 1,1	примера	на	одну	страницу	печатного	текста
во французском	— 0,54	»	»	»	»	»	»
в немецком	— 0,38	»	»	»	»	»	»
в русском языке	— 0,22	»	»	»	»	»	»

Можно предположить, что частотность использования последовательного подчинения в каком-либо языке находится в зависимости от степени развития синтетизма в нем.

Действительно, наименьшую частоту это явление имеет в русском языке, где элементы аналитизма незначительны, несколько большую — в немецком, где аналитические конструкции используются намного шире, затем следует французский язык, который уже принадлежит к аналитическим языкам, и наконец английский язык — типичный представитель аналитических языков.

Хотя в научной литературе встречаются высказывания относительно того, что один язык является более аналитическим, чем другой, пока не было сделано попытки при определении степени аналитизма какого-либо языка опираться не на субъективные оценки, а на какие-либо объективные факторы, поддающиеся точному количественному измерению.

Как известно, в синтетических языках отношения между словами передаются при помощи форм самих слов — внутренней и внешней флексии, а в аналитических — при помощи служебных слов — предлогов, частиц, вспомогательных глаголов, порядка слов и т. п.

Обычно в языке используются и синтетические, и аналитические черты. «Своеобразие того или иного языка заключается, как правило, в большей или меньшей распространенности тех или иных черт, в их относительном удельном весе в общей системе языка, в областях взаимодействия сходных явлений с другими, а также в способе и в характере сплетения и соприкосновения явлений различного рода»¹.

Особенности языкового строя, имеющего нестатистическую структуру², реализуются в речи, для которой характерна статистическая структура. Благодаря этому можно сделать квантитативный подход к анализу уровня синтетизма.

Чтобы не зависеть при таком сравнении от субъективных впечатлений, мы избрали простой фактор, который легко поддается вычислению — процент слов, имеющих положительно выраженные синтетические черты. Мы назовем этот фактор «показателем синтетизма».

Для исследования были взяты связные тексты, выбранные наугад из различных произведений, общим объемом в 10 000 слов для каждого языка, привлеченного для сопоставления. В этих текстах было подсчитано количество слов, имеющих положительно выраженные аффиксы словоизменения и внутреннюю флексию. В это количество были включены и супплетивные формы.

Результаты оказались следующими:

в английском языке в сплошных текстах объемом в 10 000 слов обнаружено 2754 слова, имеющих положительно выраженные черты синтетизма,

во французском — 3872;

в немецком — 5123;

в русском — 7151.

Переводя эти величины в проценты, получаем соответственно показатели синтетизма: для английского языка — 27,5; для французского — 38,7, для немецкого — 51,2; для русского — 71,5%.

Чем больше показатель синтетизма, тем более синтетическим и, соответственно, менее аналитическим является язык.

Таким образом, имеется возможность сравнивать развитие и преобладание, например, аналитических черт в различных языках, основываясь на объективном, легко поддающемся количественному учету факторе.

Что касается вышеупомянутых четырех языков, то в них показатель синтетизма совпал с интуитивно определенным уровнем синтетизма: в английском языке элементы синтетизма незначительны, во французском — несколько более развиты, в немецком — еще более, и, наконец, русский язык — типичный синтетический язык. Метод показателя синтетизма может оказаться особенно плодотворным для менее изученных языков, сразу давая возможность определить их место по развитию синтетизма среди других языков (например, для испанского языка показатель синтетизма 32,0 — несколько меньший, чем для французского; для итальянского — 59,3 — несколько больший, чем для немецкого, для шведского — 31,5, для датского — 21,8).

Возвращаясь к частоте использования последовательного подчинения, мы видим, что наименьшую частотность это явление имеет в русском языке, где элементы аналитизма не определяют характера строя, и показатель синтетизма составляет 71,5, несколько большую частотность это

¹ Г. Н. Воронцова. Очерки по грамматике английского языка. М., 1961, стр. 19.

² Б. А. Успенский. Структурная типология языков. М., 1965, стр. 50.

явление имеет в немецком языке, где аналитические конструкции используются намного шире, а показатель синтетизма — 51,2; затем следует французский язык (показатель синтетизма — 38,7) и, наконец, английский язык (показатель синтетизма — 27,5).

Таким образом, можно сделать вывод о существовании закономерности, выражающейся в обратной зависимости степени сложности синтетических конструкций от степени синтетизма в данном языке.

С целью дальнейшей проверки правильности этого положения мы произвели дополнительное исследование — анализ последовательного подчинения в болгарском языке, принадлежащем к аналитическим языкам (показатель синтетизма — 45,3).

Частотность использования последовательного подчинения, полученная для болгарского языка — 0,51 — почти равна частотности, полученной для французского языка — 0,54, при показателях синтетизма для обоих языков соответственно 45,3 и 38,7.

По степени синтетизма болгарский язык и находится примерно на уровне французского языка — аналитические формы в системе существительного при сохранении значительного количества синтетических форм в системе глагола.

Таким образом, проведенное дополнительное исследование полностью подтвердило положение о существовании обратной зависимости между степенью усложненности синтаксических конструкций и степенью синтетизма в данном языке.

Очевидно, это является одним из примеров связи явлений, о которых говорит Б. А. Успенский: «Зная связь явлений (типологические законы), возможно по одному явлению предсказать другое»¹.

¹ Б. А. Успенский. Указ. работа, стр. 26.